

SPIŠY FILOZOFICKEJ FAKULTY SLOVENSKEJ UNIVERZITY
V BRATISLAVE

PORIADAJÚ

A. KOLÁŘ, D. RAPANT, A. ŠTEFÁNEK

XXIX.

ВАЛЕРІЙ ПОГОРЪЛОВЪ

КАРПАТОРУССКІЕ ЭТЮДЫ

- I. Литературная дѣятельность Михаила Лучная,
карпаторусскаго писателя нач. XIX вѣна.
- II. Болгаризмы въ карпаторусскихъ говорахъ.

V. POGORIELOV

KARPATO-RUSKÉ ŠTÚDIE

- I. Literárna činnosť M. Lučkaja, karpatoruského spisovateľ'a,
zač. XIX. st.
- II. Bulharizmy v dialektoch karpatoruských.

V BRATISLAVE 1939

VYDÁVA FILOZOFICKÁ FAKULTA

S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVA A NÁR. OSVETY SLOVENSKEJ REPUBLIKY

OPERA FACULTATIS PHILOSOPHICAE UNIVERSITATIS SLOVACAE
BRATISLAVENSIS

SPISY FILOZOFICKEJ FAKULTY SLOVENSKEJ
UNIVERZITY V BRATISLAVE

PORIADAJÚ

A. KOLÁŘ, D. RAPANT, A. ŠTEFÁNEK

XXIX.

ВАЛЕРІЙ ПОГОРЬЛОВЪ

КАРПАТОРУССКІЕ ЭТЮДЫ

I. Литературная дѣятельность Михаила Лучкая,
карпаторусскаго писателя нач. XIX вѣка.

II. Болгаризмы въ карпаторусскихъ говорахъ.

V. POGORIELOV

KARPATO-RUSKÉ ŠTÚDIE

I. Literárna činnosť M. Lučkaja, karpatoruského
spisovateľa, zač. XIX. st.

II. Bulharizmy v dialektoch karpatoruských.

V BRATISLAVE 1939

VYDÁVA FILOZOFICKÁ FAKULTA

S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVA A NÁR. OSVETY
SLOVENSKEJ REPUBLIKY

OPERA FACULTATIS PHILOSOPHICAE UNIVERSITATIS SLOVACAE
BRATISLAVENSIS

I. Литературная дѣятельность Михаила Лучкая, карпаторусскаго писателя нач. XIX вѣка.

Въ средней Европѣ, у подножія высокихъ Карпатскихъ горъ пріютилась небольшая горсточка Славянъ, — Карпаторуссовъ. Карпаты отдѣлили ихъ отъ всей массы великаго русскаго племени, широко раскинувшася на равнинахъ восточной Европы и сѣверной Азіи, и поставили лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ славянскихъ и неславянскихъ народовъ. Со всѣхъ сторонъ на Подкарпатскую Русь надвигаются Поляки, Словаки, Мадьяры, Румыны; отовсюду грозитъ опасность раствориться въ чуждомъ элементѣ, денаціонализироваться. И между тѣмъ, это слабое численно, бѣдное матеріально, иногда даже угнетаемое болѣе сильными сосѣдями, русское племя уже больше тысячи лѣтъ не только существуетъ и сохраняетъ свой языкъ, свой бытъ, свою вѣру, но ещё и выдвигаетъ изъ своей среды такихъ великановъ духа и мысли, которые трудятся надъ духовнымъ пробужденіемъ и просвѣщеніемъ не своего только народа, но и всего Славянства.

Такого великана дала Подкарпатская Русь сто лѣтъ тому назадъ въ лицѣ Михаила Лучкая. Лингвистъ, историкъ, проповѣдникъ — онъ всю свою, сравнительно недолгую жизнь (1789—1843), посвятилъ труду на пользу своему народу и на пользу Славянства. Онъ родился въ селѣ «Великіе Лучки» близъ г. Мукачева въ многочисленной семьѣ бѣднаго сельскаго дьячка, Михаила Попа¹⁾. Только благодаря своимъ выдающимся способностямъ могъ онъ съ блестящимъ успѣхомъ

¹⁾ Подробную біографію см.: д-р Василій Гаджега. «Михаил Лучкай. Житєпис и творы». (Науковий Зборник товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ, 1928-29. рѣк. Рѣчник VI. 1929. Ужгород. Стр. 1-128). Краткія біографич. свѣдѣнія, см.: Fr. Tichý, „Michail Lučkaý“. (Slovanský sborník, věnovaný prof. Fr. Pastrnkovi. Praha. 1923., str. 217).

пройти и низшую и среднюю школу; последнюю началъ въ Ужгородѣ и закончилъ въ В. Варадинѣ. Онъ затѣмъ получилъ даже стипендію для прохожденія философскихъ и богословскихъ курсовъ въ Пряшевѣ, Кошицахъ, Ужгородѣ, и для полученія высшаго образованія въ Вѣнѣ. Любопытно, что ещё въ средней школѣ, можетъ быть, при переходѣ изъ Ужгородской гимназіи въ В. Варадинъ, онъ вмѣсто отцовской фамиліи — *Попъ* — принялъ новую — *Лучкай* — отъ названія своего родного села, и это имя онъ сохранялъ въ теченіе всей своей жизни; эта перемѣна имени, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что иначе его могли бы смѣшивать съ отцомъ, котораго также звали Михаиломъ.

Въ 1816 г. М. Лучкай принялъ священство (греко-католическаго, униатскаго исповѣданія) и сначала служилъ нѣсколько времени въ церкви родного села, Вел. Лучекъ, затѣмъ былъ назначенъ въ Ужгородъ секретарѣмъ Мукачевскаго епископа, Алексѣя Повчія (Pótsi), а позже и нотариусомъ епархіальной консисторіи. Въ 1827 г. онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ Ужгородскаго униатскаго прихода и сохранялъ эту должность до самой смерти, лишь съ двухлѣтнимъ перерывомъ, когда онъ, ещё въ началѣ своего ужгородскаго настоятельства (въ 1829—31 гг.) былъ командированъ въ Италію, въ г. Лукку, въ качествѣ священника греко-католической церкви, учрежденной тамъ принцемъ Карломъ-Людовикомъ Бурбономъ.

По свидѣтельству самого М. Лучкай, тѣ лица карпато-русскаго духовенства, которые выдѣлялись своимъ образованіемъ, были чрезмѣрно обременены церковно-административной дѣятельностью, что очень препятствовало ихъ занятіямъ литературнымъ или научнымъ трудомъ²⁾.

Это приложимо вполне и къ самому Лучкаю: кромѣ текущей работы по должности секретаря епископа, нотариуса консисторіи и настоятеля прихода, онъ принуждѣнъ былъ заниматься самыми разнообразными дѣлами: вопросомъ объединенія календарей (юліанскаго и грегорианскаго), подготовкой съѣздовъ духовенства, организаціей школьнаго дѣла, хлопот-

²⁾ „Sunt et actu viventes magnorum ingeniorum et linguae peritissimi Viri..., sed sicut superius laudati Viri negotiis Diaecesanis occupati erant; ita hi iisdem negotiis magis gravantur, quam ut hoc quoque ramo Genti prodesse possent“. (Grammatica slavo-ruthena, pag. XI-XII).

тами о печатаніи необходимыхъ церковныхъ книгъ, объ устанавленіи однообразія въ обрядахъ и порядкахъ въ богослуженіи во всей Мукачевской епархіи и т. п., и т. п.; всё это оставляло очень мало времени для занятій научной и литературной дѣятельностью. А этимъ, съ горечью замѣчаетъ М. Лучкай, и объясняется то, что Подкарпатская Русь остаётся въ полной неизвѣстности³⁾. Лишь тѣ два года, которые онъ провёлъ въ Луккѣ (въ своихъ письмахъ онъ называлъ её — „ragadysus“), дали ему возможность написать и напечатать два большихъ труда: *Славяно-русскую грамматику* и *Церковныя бесѣды*. На эти свои труды Лучкай смотрѣлъ между прочимъ какъ на исполненіе своего долга передъ своимъ народомъ. Его очень больно затронули слова въ письмѣ его пріятеля и покровителя Фогорошія: «покойный каноникъ Кручай такъ выражался о Русинахъ: же не мають ни Грамматики, ни політики, я се такъ толкую: же они ни розума ни чести не мають»⁴⁾. М. Лучкай со всей энергіей вступаетъ за свой народъ и старается опровергнуть это мнѣніе; въ Предисловіи къ своей Слав.-русс. грамматикѣ онъ выражаетъ своё возмущеніе тѣмъ, что о его народѣ не знаютъ даже въ учёномъ мірѣ; даже такой знаменитый славистъ, какъ П. І. Шафарикъ называетъ Подкарпатскую Русь — „terra incognita“⁵⁾. Протестуетъ онъ⁶⁾ и противъ общепринятаго тогда мнѣнія, (которое между прочимъ раздѣлялъ и важнѣйшій авторитетъ того времени, І. Добровскій), что наиболѣе близкимъ къ языку Библии, къ матери всѣхъ славянскихъ языковъ, языку церковно-славянскому, — является языкъ хорватскій; вопреки этому, Лучкай утверждаетъ, что гораздо ближе хорватскаго стоитъ къ церковно-славянскому языкъ карпаторусскій. О Подкарпатской Руси, о ея языкѣ потому только ничего не знаютъ, что у Карпаторуссовъ нѣтъ никакой литературной дѣятельности, что они ничего не пишутъ, но это отнюдь не по недостатку дарованій. Лучкай перечисляетъ рядъ извѣстныхъ ему лицъ, выдающихся по уму, талантамъ, образованію: епископовъ Бачинскаго и Тарковича,

³⁾ „Et haec est ratio, quod Carpatho-Russia terrae incognitae nomine veniat“. (Gramm. slavo-ruth., p. XII).

⁴⁾ См. вышеуказ. трудъ д-ра В. Гаджеги, стр. 55.

⁵⁾ Gramm. sl.-ruth., p. IX.

⁶⁾ Ib., p. IX.

краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ Алексѣя Ильковича и Ю. Пастелія, трудолюбиваго Мих. Табаковича, своихъ современниковъ, Стеф. Андруховича и Г. Чурговича; но, какъ выше указано, эта карпаторусская интеллигенція, при своей малочисленности, такъ обременена своими служебными обязанностями, что не имѣетъ времени для литературной дѣятельности. А между тѣмъ, этотъ бѣдный, но богатоодаренный народъ заслуживаетъ, чтобы о немъ знали, онъ нуждается въ томъ, чтобы ему облегчили доступъ къ литературѣ⁷⁾.

Своей Грамматикой М. Лучкай старается разрѣшить обѣ задачи: учёному міру онъ даётъ описаніе особенностей карпаторусскаго языка, а Карпаторуссамъ предлагаетъ полную грамматику церковно-славянскаго языка, т. е. того языка, который, по его мнѣнію, долженъ быть всеславянскимъ литературнымъ языкомъ⁸⁾. Остановимся нѣсколько на этомъ его трудѣ. Назначая свою книгу, какъ сказано, и для учёнаго міра, Лучкай пишетъ её по-латыни, такъ какъ признаётъ латинскій языкъ органомъ міровой культуры и науки⁹⁾.

Свой взглядъ на значеніе и роль литературныхъ языковъ М. Лучкай довольно подробно излагаетъ въ Предисловіи къ Грамматикѣ. Для Славянъ единственнымъ литературнымъ языкомъ онъ признаётъ языкъ церковно-славянскій и потому съ большой тревогой и печалью замѣчаетъ, что «потомки (древнихъ Славянъ) пренебрегая своей матерью — языкомъ церковно-славянскимъ, стремятся ввести въ литературное употребленіе

⁷⁾ *Ив.*, р. X-XI.

⁸⁾ Грамматики М. Лучкая касаются в бѣльшей, или меньшей степени: *Ив. Брик.* Йосифъ Добровскій и украинознаство. (Юбил. Сб. Тов. Шевч. 1925). *О. Маковой.* Три галицки грамматики. (Зап. Тов. Шевч. 1903, р. LI. 24.). *Мих. Возняк.* Студіі над галицько-українськими граматиками XIX в. (Зап. Тов. Шевч. 1909 р. XC т., стр. 80-92.). *Вал. Погорьловъ.* Михайль Лучкай и его Grammatica slavo-ruthena. (Карп. Свѣтъ, 1930). *Val. Pogorielov.* Josef Dobrovský i Michail Lučkaý. („Bratislava“, V, č. 1.)

⁹⁾ Объ этомъ между прочимъ есть любопытное свидѣтельство словацкаго писателя, Богуша Носака, который говоритъ, что бесѣдуя съ Лучкаемъ о его трудахъ, спросилъ его, почему онъ пишетъ по-латыни, а не по карпаторусски? — и Лучкай отвѣтилъ ему на это, что пишетъ для учёныхъ, а для этого наиболѣе подходящей рѣчью является латинская. (См. *Frant. Tichý.* „Michail Lučkaý“ — *Slov. sborník, věn. prof. Fr. Pastrnkovi*, str. 217.)

мѣстныхъ нарѣчій, чуть не говоры»¹⁰). Его очень пугаетъ сказы-
вающійся въ этомъ анархическій сепаратизмъ — эта характер-
ная, роковая славянская особенность. Не мѣшаетъ здѣсь отмѣ-
тить, что М. Лучкаю его латынь оказала довольно плохую
услугу: можно сказать, что именно учёнымъ его книга осталась
почти неизвѣстной. Даже тѣ изъ нихъ, у которыхъ встрѣчаемъ
упоминаніе о ней, имѣютъ свѣдѣнія о ней очень неточныя, иногда
даже ошибочныя. Знаменитый славистъ, И. В. Ягичъ, знаетъ
о Лучкаѣ, что онъ былъ «составителемъ маленькой граммати-
ки»¹¹). Проф. И. И. Срезневскій говоритъ, что Лучкай въ своей
грамматикѣ «смѣшалъ нарѣчія церковное и народное, измѣ-
нялъ одно другимъ». П. Г. Шафарикъ пишетъ, что «у Лучкай
малорусское нарѣчіе недостаточно ясно отдѣлено отъ церков-
наго». А между тѣмъ, каждый, кто внимательно просмотритъ
его Грамматику, убѣдится, какъ заботливо, внимательно раз-
граничиваетъ Лучкай формы и обороты карпаторусскіе отъ
церковно-славянскихъ. Очевидно, эти учёные имѣли весьма
поверхностное представленіе о его трудѣ. Иногда это поверх-
ностное отношеніе къ книгѣ М. Лучкай доходитъ до того, что
ему приписываются взгляды, діаметрально противоположныя
тому, что онъ въ дѣйствительности высказывалъ¹²). А между
тѣмъ полного нашего вниманія заслуживаютъ его взгляды на
взаимоотношеніе литературнаго языка и живыхъ народныхъ
говоровъ, взгляды, притомъ высказанные имъ сто лѣтъ тому
назадъ. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ¹³): «Во всѣхъ стра-
нахъ, гдѣ существуетъ дѣленіе на діалекты, одинъ изъ нихъ
первенствуетъ, какъ на письменныхъ столахъ учёныхъ, такъ
и въ судебныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, являясь
законодателемъ для прочихъ родственныхъ нарѣчій. И это

¹⁰) „Nepotes (veterum Slavorum), neglecta Matre Veteroslavica — proprias Dialectos qualificare adgressos... Imo jam nunc minores quoque Provinciae... gestiunt formare distinctas Dialectos“. (Grammatica sl.-ruth., p. VI).

¹¹) И. В. Ягичъ. «Исторія слав. филологіи» (Энциклопедія слав. филол., т. I, стр. 328.

¹²) Въ вышеуказанной моей статьѣ о Лучкаѣ (въ журн. «Карп. Свѣтъ», 1930 г.) я привёлъ примѣры такого искаженія взглядовъ Лучкай у д-р. В. Бирчака: «Литературнѣ стремлѣнія Подкарпатскоѣ Руси», и у Ревая: «Руськѣ граматикѣ и словари».

¹³) Grammat. sl.-ruth., p. VI.-VIII.

вполнѣ справедливо, такъ какъ, если бы кто-нибудь пожелалъ, чтобы всѣ діалекты были одинаково усовершенствованы, то это значило бы, что всѣ они оставались бы одинаково несовершенными, и въ замѣнъ ихъ господство получилъ бы какой-нибудь чужой языкъ... Нѣтъ ни одного литературнаго языка, который былъ бы тождественъ съ простонароднымъ, потому что это могло бы произойти въ томъ только случаѣ, если бы поселянину врождены были уже тѣ идеи и понятія, которыя образованный человѣкъ пріобрѣтаетъ путёмъ ученія и чтенія... Одни только Славяне болѣзненно стремились и стремятся уподобить свою литературную рѣчь рѣчи народной, съ той ли цѣлью, чтобы сдѣлать её понятной болѣе широкому кругу читателей, или чтобы облегчить изученіе ея? — Но вѣдь тотъ, кто хочетъ владѣть литературнымъ языкомъ, долженъ же изучить его грамматику, а человѣку безграмотному такъ же трудно усвоить себѣ усовершенствованный способъ выраженія (слогъ), какъ и научиться церковно-славянскому языку». — Эти простыя, ясныя, естественныя и потому совершенно справедливыя соображенія М. Лучкая, къ сожалѣнію не только не усвоены Славянствомъ, но отмѣченное имъ, болѣзненное стремленіе возвышать на степень литературной рѣчи говоръ чуть не каждаго села, за протекшіе 100 лѣтъ лишь усилилось и возросло. Предчувствуетъ онъ и результаты этого славянскаго сепаратизма¹⁴⁾: «боюсь, какъ бы такое разъединеніе не привело къ тому, что многіе изъ этихъ діалектовъ исчезнутъ, поглощённые чужими языками. Вѣдь во многихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе процвѣтала славянская рѣчь, теперь едва нѣсколько стариковъ знаютъ ещё родной языкъ». Къ этимъ, можно сказать, пророческимъ его словамъ добавимъ, что тамъ, гдѣ въ его время старики ещё хранили славянскую рѣчь, теперь нѣтъ ея и слѣда, да успѣла она замолкнуть и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, которыхъ ещё не имѣлъ въ виду Лучкай.

Твёрдое убѣжденіе М. Лучкая въ необходимости единой литературной рѣчи для Славянъ заставляетъ его предупредить могущее возникнуть ложное мнѣніе, что, описывая особенности карпаторусской рѣчи, онъ желаетъ поднять её на степень литературнаго языка. Поэтому онъ опредѣленно подчёркиваетъ,

¹⁴⁾ *Ib.*, p. VI-VII.

что единымъ славянскимъ литературнымъ языкомъ долженъ быть языкъ Библии, языкъ церковно-славянскій¹⁵), и что особенно естественно это для Карпаторуссовъ, которые сохранили свой языкъ неискажѣннымъ, и которымъ даже неграмотнымъ, вполне понятенъ библейскій языкъ, ежедневно слышимый ими въ церкви; грамотные же употребляютъ въ своей рѣчи больше библейскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ простонародныхъ. Поэтому, если до сихъ поръ особая карпаторусская грамматика считалась излишней, то ненужна она и теперь¹⁶). И если онъ самъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ тѣ, или другія особенности карпаторусскихъ говоронъ, то лишь съ цѣлью указать, какъ мало отклонились они отъ церковно-славянскаго языка. Эта оговорка повторяется имъ нѣсколько разъ; такъ, на прим., говоря о томъ, что общеславянскіе звуки *o* и *e* въ извѣстномъ положеніи произносятся Карпаторуссами, какъ *ŷ*, онъ добавляетъ: «я отмѣчаю это не съ цѣлью указать, что такъ слѣдуетъ произносить»¹⁷). «Въ устахъ образованнаго челоѣка обѣ буквы должны сохранять своё первоначальное произношеніе»¹⁸); или ещё: «въ народной рѣчи Карпаторуссы часто прибавляютъ *o* передъ *o* и *y*, но этого никакъ нельзя одобрить»¹⁹). Приводя карпаторусскія формы склоненія, Лучкай замѣчаетъ, что такія формы «слышатся иногда въ рѣчи менѣе культурныхъ Карпаторуссовъ, — я отмѣтилъ ихъ для свѣдѣнія, но не для подражанія»²⁰).

Какъ же выполнилъ М. Лучкай обѣ поставленныя имъ себѣ задачи? — При составленіи церковнославянской грамма-

¹⁵) Quam fortis ne dicam Colossus linguarum fuisset, si Mater reliquarum si tamen revera quondam unica floruit — Vetero Slavica mansit Litteratoria. (Gramm. sl.-ruth., p. VII).

¹⁶) [Gens ruthena] sedi affixa facilius linguam incorruptam servare potuisse, praesertim cum usus linguae Biblicae in Ecclesiis quotidianus agrestibus etiam familiaris sit, scribere vero gnari imitentur potius Biblicas, quam communes expressiones. (Ibid. p. XV-XVI).

¹⁷) „Haec interim non ideo praenoto, ut sic pronuntiandum doceam“.
(Ib. p. 3).

¹⁸) „In ore cultiori retinetur utriusque Literae genuinus suus sonus“.
(Ib. p. 5).

¹⁹) „Saepe Rutheni in comuni usu ante *o* et *ŷ* *a* ponunt... sed id nullatenus probandum“.
(Ib. p. 18).

²⁰) „allicubi apud Ruthenos minus cultos audiuntur, praenotavi pro statu notitiae, non vero pro immitatione“.
(Ib. p. 34).

тики онъ имѣлъ уже предшественниковъ. Въ его время существовало нѣсколько книгъ, представлявшихъ грамматическую обработку церковно-славянскаго языка. Это, во первыхъ, извѣстный старый трудъ Мелетія Смотрицкаго, вышедшій первымъ изданіемъ ещё въ началѣ XVII в. (въ 1618 г.) подъ заглавіемъ: „Грамматикѣ славенскіахъ правилноѣ синтагма“. Затѣмъ небольшая книжка Авр. Мразовича: „Руководство к славенстѣи грамматицѣ исправленнѣи во употребленіи славено-сербскихъ народныхъ училищъ“. (въ 1794 г.), которое было въ значительной степени лишь передѣлкой труда М. Смотрицкаго, и, наконецъ, обширный трудъ знаменитаго чешскаго учёнаго, Иосифа Добровскаго: „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“ (1822). Первые двѣ книги имѣли характеръ учебниковъ, назначеніе которыхъ — научить правильно владѣть церковно-славянскимъ языкомъ, какъ языкомъ литературнымъ. Книга же І. Добровскаго являлась чисто научнымъ произведеніемъ, ставившимъ себѣ цѣлью изслѣдованіе явленій церковно-славянскаго языка по тѣмъ древнѣйшимъ памятникамъ, какіе въ ту эпоху были доступны автору.

Изъ указаній и ссылокъ М. Лучкай ясно видно, что онъ хорошо былъ знакомъ со всѣми этими книгами, причѣмъ къ намѣченной имъ задачѣ ближе подходили Смотрицкій и Мразовичъ, однако же «руководителемъ своимъ», какъ онъ самъ говоритъ in Epilogo, онъ избралъ І. Добровскаго, что даже вмѣняетъ себѣ въ заслугу²¹⁾», и съ полнымъ правомъ, такъ какъ этимъ выборомъ засвидѣтельствовалъ собственную лингвистическую эрудицію. Причину, почему Лучкай считалъ нужнымъ написать свою церк.-славянскую грамматику, хотя „Institutiones“ Добровскаго, которыя онъ такъ цѣнилъ, вышли всего за 8 лѣтъ передъ тѣмъ, онъ объясняетъ тѣмъ, что книга Добровскаго слишкомъ обширна и дорога, книжка же Мразовича не могла быть пригодной для учащихся — не Сербовъ²²⁾. Дѣйствительно, грамматика М. Лучкай объѣмомъ значительно меньше книги Добровскаго, но важнѣе была другая причина,

²¹⁾ „In Slavica Ductorem meum fuisse Dobrovskyum, quem sequi gloriae mihi duco“. (Ib. p. 176).

²²⁾ „Ego ad opus hoc publicandum eo permotus sum motivo, quod Mrazovits pro alterius labii discentibus servire nequeat, Dobrowszky autem admodum fusus, et pro pauperibus alti pretii sit“. (Ib. p. XVI).

которая заставила Лучкай издать свою книгу: различное назначение обѣихъ книгъ. Въ то время, какъ трудъ Добровскаго имѣлъ, какъ указано выше, чисто научный характеръ, — Лучкай желалъ дать практическій учебникъ церковно-славянскаго литературнаго языка. Зависимость его однако отъ книги Добровскаго доходитъ мѣстами до заимствованія цѣлыхъ отрывковъ текста, какъ наприм. въ отдѣлѣ правописанія, или въ синтаксисѣ²³). Почти всѣ примѣры склоненій и спряженій взяты также у Добровскаго. Однако при болѣе внимательномъ наблюденіи мы замѣчаемъ, что даже въ слѣдованіи Добровскому Лучкай является достаточно самостоятельнымъ. Самыя заимствованія онъ б. ч. даётъ въ вольной передачѣ, со значительными сокращеніями; обыкновенно, онъ ограничивается основнымъ правиломъ, оставляя въ сторонѣ частности. Онъ опускаетъ даже цѣлые отдѣлы, если они по своему слишкомъ научному характеру оказываются излишними для его практической цѣли. Так, наприм., Лучкай совершенно не упоминаетъ о цѣломъ рядѣ весьма интересныхъ съ научной точки зрѣнія вопросовъ, которые разбираетъ Добровскій въ своёмъ обширномъ Введеніи: о дѣленіи славянскихъ языковъ, изобрѣтеніи славянской азбуки, о церковно-славянскихъ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, о грамматическихъ трудахъ по церковно-славянскому языку и т. п. Двѣ большія главы труда Добровскаго: „De vocum formatione“ и „Functiones litterarum servilium“ (pp. 79-266) замѣняются у Лучкай небольшой замѣткой: „De vocibus“ (pp. 20-21). Дальнѣйшими главами грамматики Добровскаго, посвященными формамъ словообразованія отдѣльныхъ частей рѣчи, Лучкай воспользовался для составленія краткихъ введеній къ формамъ флексій соответственныхъ частей рѣчи. Въ синтаксисѣ онъ исключаетъ цѣлый III отдѣлъ (syntaxis ordinis: pp. 667-671). Нѣкоторые отдѣлы, хотя и важные, по существу, но за которыми Лучкай не признаётъ практическаго значенія, онъ помещаетъ въ концѣ книги, ввидѣ приложенія. Такъ о формахъ двойственнаго числа Лучкай говоритъ, что въ языкѣ Библии и въ богослужебныхъ книгахъ они употребляются очень неравномѣрно и непоследовательно, желая этимъ, очевидно, указать на ихъ ненужность

²³) Примѣры указаны въ вышеуказанной моей статьѣ о М. Лучкай въ журналѣ: „Bratislava“, г. V., џ. 1, str. 84-85.

въ литературной рѣчи; относительно удареній онъ замѣчаетъ, что постановка ихъ очень затруднительна для учащихся, особенно потому, что въ печатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ удареніе обозначается различно, то по сербскому, то по русскому произношенію (рр. 126-138).

Лучкай затѣмъ не только сокращаетъ и по своему размѣщаетъ матеріаль, почерпаемый изъ Добровскаго, но и относится къ нему съ извѣстной критикой; въ извѣстныхъ случаяхъ поправляетъ и дополняетъ его, вноситъ наконецъ и свои собственные мысли и объясненія: эти послѣднія являются для насъ наиболѣе интересными. Такъ онъ предлагаетъ свой проектъ упрощенія церковно-славянской азбуки путёмъ устраненія дублетовъ буквъ: *ѕ* - *з*, *ї* - *и*, *ѡ* - *ѡ*, *ѡ̄* - *о*, *ѣ* - *е*, буквъ излишнихъ для Славянъ: *ф*, *ѣ*, *ѡ*, *ѡ̄*, *ѣ* и даже буквы *ѡ*, какъ не обозначающей никакого звука (р. 1, 12-13). Интересны соображенія Лучкай относительно буквъ *ѡ*, *и*, *ы*, которыя по его мнѣнію, очевидно основанному на его карпаторусскомъ произношеніи, представляли у древнихъ Славянъ различные оттѣнки одного и того же звука *и* : *и* острое (=ѡ), *и* густое (=ы), *и* среднее (=и)²⁴). Въ отличіе отъ Добровскаго онъ считаетъ одинаково свойственными церк.-славянскому литературному языку какъ полногласныя русскія формы словъ, наприм. *голос*, такъ и соотвѣтствующія имъ неполногласныя: *глас*²⁵). И въ области морфологіи М. Лучкай даётъ нѣкоторыя формы, отличныя отъ указанныхъ Добровскимъ: въ склоненіи слова *сынъ* онъ приводитъ болѣе правильныя формы множественнаго числа (*сыны*, *сыном*, *сынѡх*, безъ вставочной группы -*ов*-, которую мы находимъ у Добровскаго: *сыновы*, *сыновѡм*, *сыновѡх*)²⁶). Форма винит. множ. ч. у словъ муж. рода мягкаго различія должна, по Лучкаю, оканчиваться на -*и*, вмѣсто -*ѡ* (или -*ѡ*), указываемыхъ Добровскимъ, причѣмъ приводится очень оригинальная причина такой замѣны: «никто бы не могъ узнать, что это

²⁴) „Videtur triplex i apud Veteres Slavos in usu fuisse, i acutum, seu cum accentu, i crassum, seu profundum, et medium. Cyrillus pro singulo sono distinctam literam formando... pro triplici etiam i collimatur fecisse triplex i, et quidem pro i acuto ѡ, pro crasso ы, et pro medio и, ita ut sicut toni sunt distincti, distinctae sint etiam Literae: ѡѡѡ, ѡѡѡ, ѡѡѡ“ (Ib. p. 4-5).

²⁵) Ib. p. 15.

²⁶) Ib. p. 32.

формы множественнаго числа»²⁷). Подобнымъ же образомъ и формы спряженія М. Лучкай частью упрощаетъ, устраняя наприм. формы *Plusquamperfecti* и *Praeteriti iterativi*, которыя находимъ у Добровскаго, частью дополняетъ, образуя особыя формы наприм. *Conjunctivi Praesentis* и *Imperfecti*, или внося различіе между формами 2-го и 3-го лицъ ед. и множ. чиселъ *Imperativi* (именно образуя 3-е лицо съ частицей *да*: *да несѣт*, *да несѣтъ*) и т. п.²⁸).

Такимъ образомъ видимъ, что М. Лучкай не слѣпо слѣдовалъ во всёмъ Добровскому, но признавая всё значеніе и цѣнность его труда, провѣрялъ на основаніи собственнаго изученія церковно-славянскихъ книгъ — факты, даваемые Добровскимъ, постоянно имѣя при этомъ въ виду свою собственную цѣль, отличную отъ цѣли послѣдняго. Этимъ умѣньемъ не только оцѣнить высокое научное значеніе труда Г. Добровскаго, но и критически къ нему отнестись Лучкай даётъ намъ ясное доказательство собственной научной подготовки и своихъ лингвистическихъ способностей. Послѣднія особенно были имъ проявлены и въ несравненно бѣльшей степени при выполненіи имъ другой части своей работы: описаніи и грамматической системизаціи явленій карпаторусской рѣчи, такъ какъ въ этомъ онъ является вполне самостоятельнымъ. Онъ и самъ это сознавалъ: «въ изложеніи карпаторусскихъ особенностей мной руководило только собственное чутьё и знаніе языка»²⁹). И, дѣйствительно, до него никѣмъ не было сдѣлано даже попытки дать подобное описаніе живого говора, да и послѣ него не скоро появились первые опыты такой работы. Можно сказать, что М. Лучкай является первымъ русскимъ діалектологомъ. Заслуга его увеличивается ещё тѣмъ, что явленія карпаторусской рѣчи онъ излагаетъ сравнительно съ фактами церк.-славянскаго языка и этимъ придаётъ имъ бѣльшую ясность, наглядность, систематичность. Слова М. Лучкай о томъ, что онъ руководился своимъ личнымъ знаніемъ карпаторусскаго нарѣчія, надо понимать такъ, что при своёмъ описаніи онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свой родной говоръ: говоръ села Вел. Лучки, откуда былъ родомъ.

²⁷) „nullus agnoscet pluralem esse“. (Ib. p. 36).

²⁸) Ib. pp. 82, 86, 115.

²⁹) „In Ruthenica proprium meum sensum, et scientiam pro fundamento servivisse“. (Ib. p. 176).

Очень внимательно разсмотрѣлъ эту часть труда М. Лучкая Г. І. Геровскій въ статьѣ: «Русскій языкъ въ церковно-славянско-русской грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая»³⁰⁾. Здѣсь г. Геровскій сравниваетъ факты языка, приводимые М. Лучкаемъ, съ фактами современнаго говора села В. Лучки и сосѣднихъ карпаторусскихъ говоровъ и признаётъ, что наблюденія Лучкая являются, большею частью, весьма точными, особенно, если принять во вниманіе то несовершенство способа записи, какое представляла примѣнявшаяся имъ церковно-славянская азбука, (хотя иногда онъ прибѣгалъ и къ латинскому письму). Въ фонетикѣ Лучкаемъ остановился на дѣйствительно основныхъ особенностяхъ своего говора: на переходѣ звуковъ *e* и *o* въ новыхъ закрытыхъ слогахъ въ *ǐ*: пастыремъ = pasztirǐm, волѣмъ = volǐm, рука = rǐkl, попъ = rǐp, (отмѣчено и то, что въ иныхъ говорахъ вм. *o* можетъ являться и *i*, *ǣ*, или *ou*^{30a)}, на измѣненіи звука *s* послѣ шипящихъ *ж*, *ш*, *ц*, *ч*, *щ* въ *o*, особенно подъ удареніемъ: жолтын, пошол, лицом, черт; на произношеніи *ǣ*, какъ ударяемаго *i* (= нѣм. wie); на стяженіи *ǐe* въ *-ja*, (причѣмъ въ предшествующемъ слогѣ *e* переходитъ въ *ǐ*): спасѣна; на выпаденіи *j* между гласными: напр. въ творит. п. един. ч. женскаго рода *-ok* вм. *-oju*; на появленіи *v* передъ начальными *o* или *ǣ*: воко, вон (vǐn), вѣдица; на произношеніи согласной *g* какъ лат. *h*, а передъ согласными глухими, какъ *χ*: Грицъ = Hritz, мѣкѣй; на появленіи звука *ch* въ соотвѣтствіи съ церк.-славянскимъ *šč*: мочи, пѣчи, и звука *zh* при церк.-славянскомъ *žd*: госпежа, пѣжѣ, ѣжѣ.

Далѣе даются полныя парадигмы карпаторусскихъ формъ склоненія и спряженія параллельно съ соотвѣтствующими церк.-славянскими и съ поясненіемъ отдѣльныхъ формъ. Лучкаемъ отмѣчаетъ здѣсь въ склоненіи имёнъ существительныхъ муж. рода одинаково употребительныя формы родит. ед. ч. на *-a* и на *-ǣ*, мѣстн. ед. ч. на *-ǣ* и на *-ǣ*: орла, орлѣ, мѣжа, мѣжи, но на жирѣ, на вѣрхѣ; одинаковое употребленіе окончаній *-ови* въ дат. п. ед. ч., *-омъ* въ твор. п. ед. ч. и *-овъ* въ родит. п. мн. ч. какъ отъ основъ, оканчивающихся на твёрдую согласную, такъ и на мягкую: мѣжови, владѣови; мѣжомъ, крайомъ; мѣжовъ, крайовъ; распространеніе окончаній *-амн*, *-амн* въ твор. п.

³⁰⁾ «Карпаторусскій Сборникъ». Ужгородъ. 1931 г., стр. 259-311.

^{30a)} Gram. sl.-ruth., p. 4-5.

мн. ч. (при -ми): орлами, мѣжами, (но и волми), и -ах, -ахъ въ мѣстн. п. мн. ч. мѣжахъ, краяхъ (при орлахъ, мѣжахъ); въ словахъ женск. рода исключительное употребленіе окончанія -ов, -ев въ формѣ твор. п. ед. ч.: кодов, рѣчев (-ов), церквевъ³¹).

Въ склоненіи прилагательныхъ М. Лучкай останавливается между прочимъ на различномъ образованіи формъ имен. ед. ч. муж. и ср. р. и формы женск. рода, указывая, что первыя представляютъ обыкновенно ясно выраженную форму сложнаго склоненія: старый, старое, тогда какъ формы женск. р. (имен. и винит. ед. ч.) имѣютъ краткое (именное) окончаніе: стара, старѣ.

Далѣе въ склоненіи неличныхъ мѣстоименій отмѣчается отсутствіе родовыхъ различій во множ. числѣ.

Въ формахъ спряженія характерной особенностью карпаторусскихъ говоровъ считаетъ М. Лучкай отпаденіе окончанія -тъ въ 3-мъ лицѣ ед. ч. въ положеніи послѣ ѣ: вѣде, вѣе, и различіе окончаній въ 1 л. множ. ч. наст. вр. (ме) и повел. наклоненія (м): вѣме, твѣрѣме, но идѣм, нескѣм. Любопытно, что по отношенію къ формѣ прошедшаго сложнаго Лучкай былъ введенъ въ заблужденіе фонетически происшедшимъ въ карпаторусскихъ говорахъ совпаденіемъ формы причастія прошедш. вр. на -въ и причастія на -лъ³²), вслѣдствіе чего онъ проводитъ несуществующее въ дѣйствительности различіе въ образованіи формы муж. рода отъ формъ женск. и ср. р.: бив, но била, било. Указываетъ онъ и на существованіе троякаго образованія формъ Желательнаго и Сослагательнаго накл.: или посредствомъ частицы най: най вѣдет, или, (что считаетъ правильнѣе), посредствомъ сочетанія: абым бил, или (всею лучше) посредствомъ формы обым, обысь и т. д.

Отмѣчаетъ М. Лучкай и нѣкоторыя синтактичeskія особенности карпаторусской рѣчи, особ. въ области управленія падежей, какъ съ предлогами³³), такъ и безъ предлоговъ; энкли-

³¹) Послѣдняя форма, по свидѣтельству г. Геровскаго (см. вышеуказ. статью, стр. 279) и въ настоящее время слышится въ карпаторусскихъ говорахъ (зап.-земплинскихъ), но въ Лучанскомъ замѣнилась теперь формой: цѣр'кѣул'оу.

³²) И то, и другое произносятся съ у (у) неслог. въ концѣ.

³³) Ос. съ характернымъ карпаторусскимъ предлогомъ на (= къ): пой нао мнѣ, не иди на немѣ.

тическое употребленіе личныхъ мѣстоименій: го, ми, ти, си, причѣмъ три послѣднія могутъ употребляться и въ значеніи притяжательныхъ: гдѣ ти отецъ (= твой отецъ), дай ми матери (= моей матери) и т. д.

Къ грамматикѣ прибавлены въ концѣ «Образцы русскаго стиля», которые, по справедливому замѣчанію г. Геровскаго³⁴⁾, «являются едва-ли не самой замѣчательной частью грамматики», такъ какъ «это — цѣнное, первое по времени въ Южно-Карпатской Руси, печатное собраніе подлинныхъ произведеній народной устной словесности».

Думаю, что даже это краткое, сжатое описаніе книги М. Лучкая можетъ дать представленіе о добросовѣстномъ, большомъ трудѣ, который затратилъ авторъ на ея составленіе, и благодаря которому, какъ въ систематическомъ описаніи особенностей карпаторусскаго говора, такъ и въ иллюстрирующей его записи образцовъ народной рѣчи мы имѣемъ достаточно полную картину подлиннаго карпаторусскаго нарѣчія, какъ оно звучало 100 лѣтъ тому назадъ въ селѣ В. Лучки.

На слѣдующій же годъ по напечатаніи Славянорусской грамматики былъ изданъ и другой трудъ М. Лучкая: „Церковныя бесѣды. / на всѣ недѣли рѣка / на повчѣніе народное. / в' церкви парохіальной оунггарской / казанной. / Михайлом Лучкай / Парохом, и Намѣстником Оунггарским. / в' Бѣдинѣ / Типом Кр. Евсѣчилица Пештанскаго. 1831. / (Часть первая: 12 нумер. + 337 + 3 нумер. стр.; Часть вторая: 308 + 3 нумер. стр.; во 2-й части заглавіе дополнено словами: Его / царск. высочества / Карла Людовика ѿ Бурбон / инфанта испанскаго, и воеводы лѣчанскаго придворным архі/пресвѣтером).

Эта книга составила изъ проповѣдей, произнесенныхъ Лучкаемъ въ качествѣ настоятеля Ужгородскаго прихода. Входящія въ составъ ея 57 бесѣдъ³⁵⁾ составлены имъ по такому

³⁴⁾ См. вышеуказ. статью, стр. 303, 305.

³⁵⁾ Всѣхъ бесѣдъ — 58, но бесѣда 4-я не принадлежитъ Лучкаю, какъ онъ самъ говоритъ въ примѣчаніи на стр. 60: „Сла Бесѣда, не бѣтъ моя, но принадлежитъ Профессорови Черскомѣ, которю предложилъ Славной Консенсторіи, егда Бѣдинское Ревнорство просилъ, и скоро по томъ померъ. Ш кромѣ всякаго исправленія предлагаю ю, чѣбы каждый оудостоверился, якъ основательно онъ рече, и якъ велика оутрата, что не знается, гдѣ лежатъ, и оукого сѣтъ прочія бесѣды его.*)

*) „Qui peritura edet, conditor alter erit“.

плану: введеніе, въ которомъ объясняется смыслъ и значеніе даннаго воскреснаго евангельскаго текста, и два отдѣла, въ которыхъ проповѣдникъ говоритъ о добродѣтели, требуемой еванг. текстомъ, и о тѣхъ грѣхахъ, которыхъ поэтому христіанинъ долженъ избѣгать. Въ этихъ рамкахъ авторъ очень просто, наглядно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма краснорѣчиво, логично и убѣдительно, часто трогательно развиваетъ основную идею, призывая своихъ слушателей къ нравственному усовершенствованію въ духѣ Христова ученія. Въ стилѣ автора мѣстами замѣтна склонность къ сентенціямъ, пословичнымъ выраженіямъ: „Врѣмѣ бо ѿ спѣсовъ цѣнѣ дѣетъ всѣмъ добродѣтели“ (ч. I, стр. 31), „Что словъ оставѣетъ безъ пользы, единое же дѣло великое имѣетъ во нравы вліаніе“ (стр. 80); „Кто благоупотребляетъ много, томъ довлѣютъ и малѣ.“ „Икъ изобиліе; такъ недостатокъ ѣсть ползokitый. Сердце да раждаетъ, что земля неприношаетъ. Все найдетъ тотъ что дати, кто добръ волю имѣетъ“. (ч. II, стр. 89), „Кто познаваетъ врага, оуже его изъ полъ побѣдилъ. Кто предъ оувидитъ нещастіе, рѣтко впадѣетъ во него. Стрѣлы предъ оувидимыма не много ранѣтъ“. (стр. 173), и т. п. Какъ эта черта, такъ и внесеніе въ проповѣдь свѣтскаго элемента въ видѣ анекдотовъ, показываютъ въ немъ ученика схоластической латинской школы. Этимъ объясняется и то, что онъ часто цитируетъ западныхъ Отцовъ Церкви и католическихъ проповѣдниковъ, наприм. Бернарда (I, 43), Іероніма (II, 275), Ялберта вел. (II, 277,), Томы ѿ Кемпіс (II, 277), именамъ которыхъ онъ иногда старается придать церк.-слав. видъ, перемѣняя б на в, и дѣлая изъ Бернарда — Вѣрнарда (II, 165), изъ Беллармина — Беллармин (II, 97), изъ Беды — Вѣда (II, 165), что нѣкоторыя библейскія имена являются у него въ латинской формѣ: Кананейскю (II, 104) вм. Хананейскую, Барсх (I, 80), вм. геиннѣ — Гегѣннѣ (I, 230, II, 171) = gehenna, Ёсавъ и Яхавъ (II, 306), вм. Исавъ и Ахавъ и т. п.

Появленіе такой цѣнной книги, какъ «Бесѣды» М. Лучкая должно было быть для Подкарпатской Руси чрезвычайно важнымъ событіемъ, особенно при той, можно сказать, нищетѣ, которую представляла тогдашняя карпаторусская литература, и при трудности полученія книгъ (русскихъ и церковно-славянскихъ), издававшихся въ Россіи. Но «ни одинъ пророкъ не бываетъ признанъ въ отечествѣ своемъ» особенно у Славянъ,

— и эта книга не сразу нашла себѣ надлежащую оцѣнку. Даже церковная власть, какъ указываетъ біографъ М. Лучкая, В. Гаджега³⁶), рекомендовала книгу М. Лучкая карпаторусскому духовенству наравнѣ съ книгой такого же содержанія на мадьярскомъ языкѣ. Постепенно однако карпаторусскій людъ оцѣнилъ «Бесѣды» М. Лучкая, и они съ теченіемъ времени стали одной изъ самыхъ его любимыхъ книгъ³⁷).

Для насъ же теперь эта книга интересна не только какъ одно изъ первыхъ произведеній карпаторусской литературы, но и какъ произведеніе писателя, который въ своей «Грамматикѣ» только что высказалъ своё мнѣніе по вопросу о принятіи въ качествѣ литературнаго языка для Славянъ, въ частности для Карпаторуссовъ, именно языка *церковно-славянскаго* и который предложилъ и проектъ упрощѣнной орфографіи для этого языка. Поэтому въ этихъ «Бесѣдахъ» мы должны были бы ожидать осуществленія на дѣлѣ всѣхъ теоретическихъ взглядовъ М. Лучкая.

Однако, уже «Предисловіе» автора заставляетъ насъ усомниться въ осуществленіи этихъ ожиданій. Онъ говоритъ, что, такъ какъ «Бесѣды» предназначаются „ради всенароднаго поученія“, то „Языкъ со всѣмъ прѣстѣмъ прѣстѣ не оупотребляхъ, ꙗко на высокіа помята Бѣры, и морала недостатѣчнѣи ѣсть... Стѣ же библическіи не лѣгко поразумѣветса. Среднимъ пѣтемъ безопаснѣйше ꙗти, мнѣ видѣлоса. Что порѣски изрѣдно выражѣветса, а что изъ библическаго лѣгко разумѣветса оупотреблати смыгѣл ѣсмь са. Самъ бо Народъ рѣскій со всѣмъ прѣстѣмъ языкъ во Церкви не любитъ, но тѣшитса среднимъ.“³⁸) Итакъ, что касается языка, авторъ самъ признаѣтся, что свою теорію онъ не рѣшается примѣнить на практикѣ. Но уже первый взглядъ на его книгу убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ и своимъ орфографическимъ правиламъ. Такъ онъ сохраняетъ въ печати всѣ тѣ дублиеты церковно-славянской азбуки, которые, какъ мы

³⁶) Вышеуказ. статья, стр. 57 (Наук. Збѣрникъ тов. Просвѣта, рочн. VI).

³⁷) См. «Евменій Сабовъ. Христоматія церк.-слав. и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ. Въ Унгварѣ. 1893», стр. 194.

³⁸) Эти слова М. Лучкая очень напоминаютъ извѣстную теорію русскаго писателя XVIII в., М. В. Ломоносова, о трёхъ стиляхъ въ разсужденіи: «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ».

видѣли³⁹⁾, самъ призналъ излишними; именно и и і: Богопочитаніе (I, 61), Хрїстіанская (I 65); оу и ъ: оумнѣ (I 69), оужіе (I 62), тѣчнѣйшіи (I 62); ѡ, ѡ̄ и о: Ѡ початка, ѡ них (I 61), обстоятельство (I 61); є и е: єго (I 61), єсть (I 64), превѣшнее (I 61); ѣ и я: ѣк, сіа (I 61), неизвѣляются (II 180), неизвѣит (II 207); з и з: злѡдѣй (I 9), звинит (I 127), злѡе злым (I 319). Можно даже замѣтить, что употребленіе этихъ дублетовъ, большею частью, подчинено извѣстнымъ правиламъ: буквы оу, ѡ, ѡ̄, ѣ стоятъ вообще лишь въ началѣ слова, въ другихъ случаяхъ — ъ, о, е, я; буква і употребляется обыкновенно передъ гласной (и ѣ): пѣтїемъ II, 253, Божїимъ I, 267, рѣскїй I (предисл.), и кромѣ того въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: мїръ, Хрїстосъ I, 65, стїа I (предисл.). Строго проводится лишь мнѣніе М. Лучкая о ненужности ѣ в концѣ слова, хотя нѣсколько разъ оно всё же проскользнуло: ѣкъ, братъ, снимъ, сѣдъ II 271, ср. любѡвъ II, 157; иногда оно замѣняется такъ называемымъ паеркомъ: в' Богѣ, в' дѣскѣ I, 65 и т. п., или буквой ѣ: промышлѣ I, 215, Бынѣ I, 221, (за то ѣ иногда отсутствуетъ тамъ, гдѣ ожидалось бы обозначеніе смягченія согласной: вѣст I 44, стѣпен I 216, Господѣн I 269, дѣскѣн I 326, дѣген I 221, на послѣд I 88, Цар I 230, 265, особенно часто внутри слова въ положеніи послѣ л, р, н: ползѣ I 87, бѡлше I 93, гѡркїа I 95, мѣншаа I 95, мѡленко I 148, — но тамже и маленко.

Сохраняются въ «Бесѣдахъ» и ударенія и нѣкоторые другіе надстрочные знаки церковно-славянской печати, хотя въ своей Грамматикѣ Лучкай указалъ на трудность обозначенія удареній даже для природныхъ Карпаторуссовъ⁴⁰⁾. И эта трудность наглядно засвидѣтельствована его книгой: одно и то же слово имѣетъ ударенія на разныхъ слогахъ: наѣчїти I 70, наѣчїа I, 71, но наѣчил I, 70; заповѣдъ I, 71, но заповѣди (ibid.); золотѣ и сѣбра I, 251, но сѣбрѣ и злѣта I, 253; взѣмное II, 27, но взѣмнемъ II, 29; на иномъ словѣ поставлены даже два ударенія: прѣмѣною I, 62, внѣтрѣнное I, 63, сѣдствѣюще II, 261 и т. п.

Что касается самаго языка, который, по словамъ М. Лучкая, долженъ былъ представлять нѣчто среднее между языкомъ

³⁹⁾ См. выше, стр. 14.

⁴⁰⁾ „Ipsi nati Rutheni lingvae secus gnari non levem experiuntur hoc in puncto difficultatem...“ (Gramm. sl.-ruth., p. 132).

церковно-славянскимъ (библическимъ — по его терминологіи) и народнымъ карпаторусскимъ говоромъ, и образецъ котораго представляетъ приведённый отрывокъ «Предисловія», а также отрывокъ проповѣди, напечатанный Е. Сабовымъ въ его «Христоматіи»⁴¹⁾, то мнѣнія о томъ, насколько удалась Лучкаю эта его попытка, очень различны. Самъ о. Е. Сабовъ, авторъ Обзора карпаторусской литературы, считаетъ этотъ языкъ очень искусственнымъ; по его мнѣнію, онъ «составленъ подъ 3-якимъ вліяніемъ, лучше: формы церковнославянскаго, литературнаго и мѣстнаго русскаго языка въ нёмъ смѣшанны подѣ вліяніемъ греческо-латинской синтактики»⁴²⁾. Съ другой стороны біографъ М. Лучкая, д-ръ В. Гаджега⁴³⁾, и анонимный авторъ статьи: «Славетный попередник Ал. Духновича, Михайло Лучкай»⁴⁴⁾, говорятъ, что «Бесѣды» его написаны «красным народнымъ языкомъ». Надо замѣтить, что съ послѣднимъ опредѣленіемъ врядъ ли бы согласился и самъ М. Лучкай, разъ онъ въ своёмъ «Предисловіи» вполне опредѣленно сказалъ: „язык со всѣмъ прѣстый... не оупотребляхъ“. Во всякомъ случаѣ, оба эти опредѣленія являются слишкомъ общими, можно сказать, голословными, и потому, конечно, недостаточными для рѣшенія вопроса о томъ, насколько удалась эта попытка создать особый литературный языкъ, средній между церковно-славянскимъ и карпаторусскимъ. Необходимо внимательно разсмотрѣть произведеніе М. Лучкая, выяснитъ себѣ, какъ представлялъ себѣ авторъ возможность сліянія элементовъ церковно-славянскихъ съ карпаторусскими при выработкѣ языка, способнаго передавать отвлечённые, богословскія понятія и въ то же время быть понятнымъ широкимъ народнымъ массамъ. Въ этомъ отношеніи, думается, могутъ оказаться небезполезными тѣ замѣтки о языкѣ «Бесѣдъ», которыя были мною сдѣланы при чтеніи этой книги, хотя они отнюдь не претендуютъ на исчерпывающую (статистическую) полноту. Приводимые мною здѣсь факты являются лишь примѣрами, иллюстрирующими отмѣчаемыя свойства языка этого произведенія. Чита-

⁴¹⁾ Стр. 60.

⁴²⁾ См. его «Христоматію», стр. 194.

⁴³⁾ См. вышеуказ. статью его въ «Наук. Зборн. тов. Просвѣта» за 1928-29 рѣк, стр. 58.

⁴⁴⁾ См. «Народный календарь «Просвѣта» на преступный рѣк 1928.

тель «Бесѣдъ» очень быстро убѣждается въ томъ, что языкъ ихъ представляетъ дѣйствительно весьма своеобразную амальгаму явленій языка церковно-славянскаго, какъ понималъ его авторъ и какъ онъ его факты изложилъ въ своей Грамматикѣ, и карпаторусскаго говора, описаніе котораго онъ далъ въ той же Грамматикѣ; это смѣшеніе замѣчается и въ области фонетики, и въ морфологіи, въ синтаксисѣ и въ лексикѣ.

Остановимся прежде всего на фонетикѣ, причемъ здѣсь надо обратить вниманіе на то, что при замѣтной небрежности въ корректурѣ книги, иногда бываетъ трудно рѣшить, являются ли извѣстныя отступленія опечатками, или ошибками орфографическаго характера⁴⁵), или они выражаютъ сознательное намѣреніе автора придать тексту болѣе опредѣлѣнный церковнославянскій характеръ или наоборотъ приблизить его къ карпаторусской рѣчи. Так, вообще сохраняется церковнославянское **ѣ**, но употребляется оно иногда и вмѣсто и: **брѣтше** I, 223, (ср. и **нѣй брѣтшихъ** II, 170), **обѣдит** I, 324, II, 223, **вѣхор** I, 309, (= вихрь), **мѣнѣты** I, 164, **мѣлнѣйшій** II, 85, (= милѣйшій), **примѣреніе** II, 224, **мѣдицѣнѣ** II, 241, **справѣдлѣвѣйше** II, 282, **во Ѣѣомъ пѣсмѣ** II, 195 (= письмѣ) и т. п., наоборотъ и **вм.** **ѣ** встрѣчаемъ въ такихъ случаяхъ, какъ **благоговѣнными** I, 63, (но **благоговѣннама** I, 67) **добродѣннѣ** I, 106, **добродѣтелми** II, 222, **примѣрь** I, 147 (= примѣръ), **лицемѣрнѣ** I, 286, (но **лицемѣрнѣи** I, 286), **совѣсть** I, 108, (и **совѣсть** I, 108), **звѣрѣпость** II, 122 (= свирѣпость), **разснѣнни** I, 191, **цнлоѣ** I, 247. Встрѣчается **ѣ** и вмѣсто **ѣ**, и вмѣсто **ѣ**: **пѣстѣла** I, 153, **дѣѣн** I, 326, **не запрѣгѣла** I, 165, **недосѣгает** I, 83, **истѣгѣет** I, 247, **прѣтѣгѣет** I, 217, **ѣтѣгѣетсѣ** II, 102; зато въ церковнославянской группѣ **-рѣ-**, соответствующей русскому полногласію (**-ере-**) находимъ большею частью **вм.** **ѣ** — **ѣ**: **прѣвернет** I, 175, **врѣмѣ**, **прѣидет** I, 311, и т. п. Есть нѣсколько случаевъ смѣшенія и и **ѣ**: **звинѣт** I, 127, **соблѣдимѣ** I, 234, **желѣми**, **хѣщѣми** I, 233 (= **-мѣ**), **непоколивѣмом** I, 314, обратно: **Ѣкѣпр** II, 289 (= скиптръ), **выберѣют** II, 68 и т. д. Въ словѣ **влѣсти** I, 257, 258 видимъ и **вм.** **ю**, ср. **влѣстѣ** I, 259. Начальное церков-

⁴⁵) Ср. любопытные слѣды вліянія чуждой графики: **Сѣлѣ** I, 85, **вм.** **Сѣлѣ**, гдѣ начертаніе **ѣ** есть собственно латинское **и**, или **ко Ѣглѣм** II 169 **вм.** **ульямъ**, гдѣ сочетаніе **гл**, слѣдовательно, передаетъ **lj**, какъ въ итальянской графикѣ, ср. **Castiglione**, **gli** и т. п.

но-славянское *o* то сохраняется: *ѣдинаго* II, 269 (и всегда такъ), *ѣзеро* II, 208, 149, 153, то замѣняется русскимъ *o*: *ѣзеро* I, 81, 276, II, 197, 198, 201, 258⁴⁶) Въ новомъ закрытомъ слогѣ одинъ разъ можемъ замѣтить появленіе *o* вм. *o*: *сѣдай...* за стѣл II, 278. Начальное *o* неразъ чередуется съ *u*: видимъ *o* вм. *u*: *огости* I, 204, *опоминаніе* I, 186, *опоманѣ* II, 185, *опоманѣтѣ* II, 213, *шмилосердовася* II, 113, *одержися* II, 249, *оу* вм. *o*: *оутрава* II, 211, 222, *оукламали* I, 155, *оустѣдит* I, 143, *оуженися* I, 137, *оусмѣлали* II, 108, *оушалѣти* II, 192, *оубалѣет* II, 151, (ср. *обалѣт* II, 153), *оуславлѣнна* II, 235, *оуклеветѣш* II, 271, *оукривдиш* II, 271, съ отпаденіемъ начальнаго *o* — *взорѣжити* II, 129.

Общеславянскія сочетанія *ort* являются то въ видѣ церковнославянской группы *trat* и т. д., то въ видѣ русскаго полногласія: *гласы* I, 103, и *гѣлосы* I, 1, 103, 108, *гладный* I, 167 и *голоднѣющій* I, 212, *изголоднѣют* I, 245, *хладнен* I, 280 и *холодное* II, 158, *младших* II, 151 и *молѣдшій* I, 99, *серебра ѣ злата* I, 253, и *золота* и *серебра* I, 251, *власы на глѣвѣ* II, 290 и *волос* из *головы* II, 267, *прѣмѣненіе* и *перѣмѣненіа* I, 106, на *дрѣвѣ*, со *дрѣва* II, 176 и *дерѣво* I, 219, на *вперед* II, 242, и на *вперед* II, 237, *грады* II, 17, *навратити* II, 34 и *здорови* I, 106, *борѣлися* I, 119 и т. п. Въ словѣ *непріедаѣтся* I, 311 (= не передается) находимъ сочетаніе звуковъ (*ie*) и не церковнославянское, и не русское. Интересное указаніе на желаніе оцерковнославянить (и довольно неудачно) русское слово видимъ въ выраженіи: *страждет над нами невидимаа доброта* I, 218, гдѣ *страждет* очевидно употреблено въ значеніи: *бдитъ, сторожитъ*. Своеобразныя діалектическія измѣненія полногласныхъ формъ представляютъ такія слова, какъ *помѣрти* I, 113, 143, *припѣртися* I, 187, *пѣртися* I, 321, *истѣрти* II, 280.

Общеславянская начальная группа *ort* — встрѣчается то въ видѣ церковно-славянскаго *rat* — (чаще), то въ видѣ русскаго *rot*—: *рѣбами* I, 44 и *робѣтою* I, 138, *Роби* I, 311 (постоянно), *в' рѣзмѣ* I, 161 и *рѣзм* II, 154, *размыслѣме* II, 299 и *росказѣет* I, 147, *ростѣпится* II, 84, *Лѣкоть* I, 250 и т. п.

Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ *rt*, *rt* (старо-слав. *rt*, *rt*)

⁴⁶) Ср. „Quaedam пола озеро, а Russis pro пола езеро habentur“. Gramm. p. 16.

на мѣстѣ ѣ (ъ) находимъ иногда на ряду съ (ново)церковно-славянскимъ о (ѣ) и гласныя и, ы и притомъ не только послѣ плавной, но и передъ ней: кровъ II, 77, 275 (= кровь), кровлѣнѣ II, 74, кровѣвою I, 62, кровѣвит I, 25, покровѣвил I, 222, 324, крыштами I, 142, 143, крышит I, 81, 223, (по аналогіи, повидимому, и кораблекрышеніе I, 332, на ряду съ кораблекршеніе) I, 34, вѣренѣ I, 131, 236, хрыбѣт II, 276⁴⁷). Любопытно, что вопреки установленному самимъ М. Лучкаемъ правилу⁴⁸) иногда видимъ проясненіе ѣ въ о въ предлогахъ въ, съ, къ и т. п. въ положеніи передъ гласной или передъ слогомъ, начинающимся одной согласной: со ихъ I, 281, во собраніѣ II, 276, соіѣстныѣ I, 251, совѣнет II, 284, во Царствѣ I, 97, со жалымъ I, 94, со небесѣ I, 18, ко Бѣгѣ I, 280, ко ковчѣзѣ II, 75 и т. п.

Хотя предлоги съ, изъ, възъ (воз-) вообще употребляются, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, но, очевидно, въ карпаторусскомъ произношеніи М. Лучкая они совпали въ одномъ предлогѣ с по отпаденіи начальныхъ и и в, ср. с' сѣшajúщій I, 95 (вм. изсу-), не смагáтсѣ II, 272 (вм. възъмаг-), поэтому желаніе возстановить ихъ церк.-слав. употребленіе приводитъ автора къ замѣнѣ предлоговъ съ и възъ посредствомъ изъ: (съ) изъ всѣю дѣшею I, 155, изъ дрѣгой страны (= съ другой стороны) I, 133, изъ главѣ нашѣѣ II, 118, изъвѣрхѣ дома II, 118, изъвѣсна II, 230, очи испѣщены II, 275, испознати I, 247, испознают II, 183, испѣститисѣ II, 243, 291, 295, изпѣстисѣ II, 273, испомаганіе II, 165, 267 (ср. спомоганіе I, 201), извъкъ II, 191 (ср. звкъ II, 194), извѣдѣтсѣ II, 193; (възъ) испѣхнѣтый I, 142, исмыгáймсѣ I, 108, измыгáтсѣ I, 144, дорѣмно издыхáю к' Бѣгѣ I, 65, издыхáти II, 275, во издыханіи II, 146 (ср. ни въздыханіе II, 146), испропастит I, 178, истѣгѣет I, 247, во дѣброй зѣмли слово Бѣжіе испходит II, 4, искричáл II, 236 (воскричáл II, 237), изрывáет II, 292, слѣнце своимъ испходом II, 261.

Звукъ j какъ послѣ согласной, такъ и послѣ гласной часто пропускается, такъ, хотя мы встрѣчаемъ и пѣанства, пѣаного

⁴⁷) По аналогіи же, повидимому, возникли формы: обжѣрнѣ I, 18, обжѣрство I, 82 (*обжѣрство), изъ криници II, 74 (= криницы).

⁴⁸) „Propositionibus воз, из, пред, etc. adfigitur o praesertim si plures sequantur consonae...“ (Gr. p. 18).

І 223, пїанїци І 250, но чаще панїца І 9, 96, 315 и др., вѣрѣном І 193, ІІ 3, извѣими І 44, неизвѣлѣются ІІ 180, впрѣдизвѣл І 191, извѣит І 207, обѣл І 84, 332, подѣрити Оца на Сына І 178; давнѣшими ІІ 104 (вм. давнѣй-), благоговѣнна І 67, ІІ 103 и др.

Въ области согласныхъ можемъ отмѣтить подобное же смѣшеніе церковно-славянскихъ особенностей съ русскими. Общеславянская группа *tj* то является въ видѣ церк.-слав. щ, то русскаго ч: во сламѣны кѣщи І 41, но во зѣмной кѣщи ІІ 160; ѣк горѣще ѣсть в' нѣждѣ прїманїе ІІ 84, но горѣчое обѣщанїе І 150, горѣчїи пѣти ІІ 308, запрѣщены ІІ 245 (ср. Запрѣтены ІІ 239), ср. и мѣчет І 205, 222, размѣчют ІІ 17; это соотвѣтствїе звуковъ ч и щ переносится иногда и на тѣ случаи, гдѣ ч иного происхожденїя (изъ *к) и потому является одинаково какъ въ церк.-славянскомъ, такъ и въ русскомъ: разтощѣли имѣнїе егѣ І 291 (корень ток-), оумѣгщено ІІ 120 (корень мѣгък-), иногда щ замѣняется звукомъ ш: оумѣгкшѣють І 276, оумѣгшї І 170, оумѣршвлѣти ІІ 256 и т. п. Обратим вниманїе, что вопреки собственному правилу М. Лучкая⁴⁹⁾ буквой щ передается часто группа сч: щастѣйвым ІІ 167, не щастныхъ ІІ 111 (въ этомъ словѣ всегда щ), щет І 295, (но счет ІІ 60), обещестїл ІІ 194, обещащѣйме ІІ 293 (но безчестна І 4, обещещѣет І 222).

Лepentheticum послѣ смягчѣнныхъ губныхъ является иногда тамъ, гдѣ церковно-славянская фонетика его не требуетъ: кровѣлѣнѣ ІІ 74, сламѣны І 41, на жрѣвлѣти ІІ 286, кѣплет І 212, лѣмѣме ІІ 214, оугѣтѣвлѣт І 337, гѣвлѣт ІІ 85, прїстѣплѣт І 334, постѣвлѣт І 336, 337, прѣтївлѣтѣ ІІ 255, оукрѣплѣтѣ І 296, любѣлѣщим І 170, (ср. любѣ ІІ 225), скорѣлѣщїи І 203, 292; съ другой стороны оно отсутствуетъ тамъ, гдѣ его можно было бы ожидать: озлѣбѣет І 321, прїгѣтѣвлѣет ІІ 198, оскорѣлѣют ІІ 207, ослаѣбѣют ІІ 242, оукѣдомѣют ІІ 248, оживѣти І 215, ѡживѣющѣю ІІ 102.

На карпаторусское произношенїе автора указываютъ нѣкоторые, спорадическіе случаи замѣны в посредствомъ ү (и обратно): Чїм рѣзѣм рѣзѣнѣтѣм ѣзык рѣзѣнѣтѣм оү дѣтнїкѣ

⁴⁹⁾ „Literae sc solent contrahi in щ, sed melius, si radicales manserint: безчесть, et non вщесть“. Gramm. p. 14.

I 104, оузѣто вст II 188, со оузѣрем II 158 (ср. обыкновенно взѣръ I 26 и т. п.), на колѣна впадаеме I 97, 212, гавѣоко впаа I 266, достѣнна мене вчинѣти I 155, вдарѣет I 25, втопѣлса I 35, вразумѣте I 87, вѣѣренность I 25, 64, 91, застрѣ... застрѣ I 106; также замѣны (ещѣ болѣе рѣдкой) л посредством в (и обратно): чтовы не продав I 140, повѣн II 215 (=полнѣ); ослобождѣ ѣе I 69, ослободил II 103, ср. освѣбоден II 83, по освѣбодѣнѣи II 83.

Отмѣтимъ въ нѣкоторыхъ словахъ вставку излишнихъ (для церк.-слав. языка) согласныхъ, въ другихъ случаяхъ опущеніе согласныхъ. Такъ, видимъ вставочныя согласныя: дѣкствѣет I 108, дѣкствѣіе I 125 (вм. дѣйств.-), предпѣтствѣіе I 114, предпѣствѣіе II 67, прѣжднее I 193, пришѣдствѣіем II 210. 262, пѣтшѣдствѣющим II 50, безопаѣтности I 123 оуствоѣна II 108, (любопытно, что таже основа является и съ другой вставочной согласной: сконнства I 283, скѣйнствам I 284, II 157 = свойства), оумакшѣют I 276, легкше II 267, тѣгшко I 324, вѣтхшоѣ I 253; (особенно удивительной является вставка л въ формахъ глагола *омочить*): омолочѣвыи I 190, омолочѣни II 6, омолочѣной II 110, (при да омочит II 13, 18), застыслоѣ I 327, лѣщатса II 191, свѣтцскихъ II 24;

пропускъ согласныхъ: всеѣ селѣнныа I 66, селѣннѣ I 191, множеством II 171, нащѣвити II 230 (= навщивити), чѣствѣати II 35, чѣствѣет II 36, (ср. нечѣствѣіе II 36), челоѣкк II 124, спомоганіе (вспо-) I 201, во очаѣнѣи II 95, омщѣнѣіе I 217, 323, 324, омстѣти II 223, 228, остѣпѣл II 104, пристраѣснаго I 324, Богѣства II 164, во вѣзнѣ I, 211, твершее I 279, со гѣрцем кипѣщим II 228 (= горнцем), освѣбоден II 83, распорѣден II 130, запрѣтены II 239; часто пропускается одна изъ двухъ согл. н: склѣнность II 157, ѣстино I 88, 89, непрѣстано I 88, Ремѣслѣник I 96, ѣстина молитва соключѣнна имѣетъ быти, I 97 (рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ и обратное явленіе — удвоеніе н: оустышанно ѣ воздѣто ѣсть I 90, исполнѣнна бѣла I 90, и т. п.)

Согласныя звонкія часто замѣняются глухими, (рѣже наоборотъ): слѣткѣй I 295, II 86, рѣтко I 214, нагѣтцѣ I 247 (ср. гѣдка I 136), лѣкше I 242, 328, полѣкшѣнѣа I 329 (ср. лѣгшѣй I 250), свѣкрствѣати I 25, сосдѣн I 219, мѣрскѣи II 86, раскѣйниками II 261; звѣрѣпико I 317, II 213 (=свирѣпо), звѣрѣповѣти I 189, громѣи II 95 (=хром-).

Ещѣ чаще встрѣчается неправильное обозначеніе твѣрдо-

сти или мягкости согласныхъ: **Ѣвѣра** I 179 (при **Ѣвѣрїа** I 178), **вѣчеры** I 138 (при **вѣчера**, **вѣчерю** тамъ же), **обдараѣт** I 15 (при **обдараѣются** I 21), **во вѣмѣкраванїи** I 250, **траѣсетса** I 223 повторяемое II 146, **пострыгаѣтса** I 118, **слыско** I 175, **тысащѣ** I 151 (—почти всегда такъ, лишь извѣдка: **тысащѣ** I 20, 278), **кладѣза** I 229, **черваков** I 20 (и др. — только такъ), **премѣнаѣтса** II 86 (и **преманѣтса** II 86), **сѣдит** I 262, **обѣлность** II 70, **їстинный** II 116, **послѣдний** I 204, **Бѣчернаа** I 153, **прадѣдное** I 267, **внѣтрѣнное** I 270, **внѣтрѣнным** I 274, **теперѣшным** I 219, **прѣисподных** I 290;

обращаѣса I 165, 269, **оупражнѣймеса** I 287, **сограждѣн** I 204, **благадѣть** I 270, **покривѣтса** II 208, **крїлах** II 210, **добрым** I 250, **сїлаа** I 309, **сїли** I 309 (= -лы), **слишїт** II 5, **долю** I 17 (= долу), **послаѣт** I 254, 276, **заслаѣт** I 255, **оправдѣваѣют** II 24, **називѣютса** I 318, II 188, **пишїтиса** II 188 (= пыш-), **Пѣстїное** II 26, **стрѣпы Лазареви** II 13, **нечїстїх** I 155, **днѣвнемѣ** I 219 и т. д.

Любопытны не разъ встрѣчающїеся случаи смѣшенїа согласныхъ шипящихъ со свистящими: (с в м. ш) **помыслѣнїа** I 64, **помыслѣете** II 215, **размыслѣеме** II 299, **вымыслѣнных** I 25, **скѣрками** I 142, **днѣсныи** II 173 (ср. и **днѣшнѣго** II 112), **со сѣмом** II 271; (с, з в м. ж) **наслаѣдѣлоса** I 238, **каѣтса** II 280, **издѣвѣнїем** I 78; (ш в м. с) **рошкѣшех** I 115, II 118, **пошлашѣйте** II 189; (ж в м. з) **нижложѣнно** I 298, **нижвержѣнным** I 301, II 278, **пражднаа** I 127, **испражднїи** II 99, **прокажи** II 80 (= проказы), **гнѣзждитса** II 7, **оугнѣзждїтиса** II 56.

И въ области грамматическихъ формъ наблюдается такое же смѣшенїе элементовъ церковнославянскихъ съ элементами карпаторусскими, причѣмъ не только одни и тѣ же категорїи словъ, но иногда одни и тѣ же слова представляютъ то церковнославянскую форму, то карпаторусскую. Такъ, въ склоненїи имѣнъ существительныхъ, въ формѣ *родит. п. ед. ч.* словъ муж. рода является то окончанїе -а, то -ѣ: из **взѣра** I 33, из **тогѣ** **взѣрѣ** I 26, из **чїстаго пѣзорѣ** II 234, хотя въ парадигмахъ этого склоненїа въ *Грамматикѣ*, с. 32—34, 41, формы на -ѣ совсѣмъ не приведены, только въ *Observationibus* (с. 36) сказано: „Genitivus in ѣ videtur ex Dativo derivatus, sed eadem vocabula non respuunt etiam а. In Ruthenico utroque modo usuatur“. Слово м. р. съ основой на *ї* имѣетъ род. ед. на -и: **изпѣти** II

223, и на -ѣ: *нз пѣтѣ* I 29, 35, *ѡ пѣтѣ* I 172. (В Грамм. форма на -ѣ указана лишь отъ слова *днѣ* — *днѣ*, с. 41). Въ *дат. ед.* словъ м. р. встрѣчаемъ лишь церковнославянское окончаніе -ѣ: *скѣтѣ*, *Оцѣ* I 29. Въ *творит. п. ед. ч.* проводится вообще церковнославянское различіе формъ твердаго и мягкаго склоненія: *грѣхом* II 235, *слѣчаем* II 78, *богачем* I 146, но не всегда правильно: съ одной стороны встрѣчаемъ *товарем* I 250, *со ослем* II 78, съ другой — *со жалом* II 187 (отъ слова *жаль*, хотя и *жалем* I 153, *жальем* I 94, при зват. ед. *жалю* II 162). Слово съ основой на *ѣ* не только имѣетъ *пѣтем* I 213 (какъ въ Грамм.), но и *пѣтѣм* II 253.

Въ *мѣстномъ ед. ч.* кромѣ окончанія -ѣ: *в домѣ* I 86, *в' потѣ* I 136, *в самомъ вѣзѣ* I 30, *во дѣстѣ* I 5, *во жалѣ* II 134, встрѣчаемъ и окончаніе -ѣ: *во Оцѣ* I 186, *на дрѣгомъ скѣтѣ* I 224, *при единомъ талантѣ* I 292, *во Енѣлемѣ* II 126, *во гнѣвѣ* II 140, *во плачѣ* II 146, *во цѣломъ свѣмъ животѣ* II 286, (но *ѡ небесномъ*, то ѣсть *дѣшевномъ животѣ* I 7). Формы на -ѣ не отмѣчены въ парадигмахъ, но на стр. 38 Грамм. замѣчено: „*Loc. in ѣ etiam in communi observatur*“.

Въ *именит. множ. ч.* большею частью встрѣчаемъ церковнославянское окончаніе -и, причѣмъ задне-нѣбныя согласныя передъ нимъ то смягчаются, то остаются безъ измѣненія (какъ въ русскомъ яз.): *оучащеници* I 23, *всѣ оученици* I 5, но *оученики* оставили *вгѣ* I 28, *кнѣжники* II 268, *роки* I 315, *скѣтки* поставлѣются I 4, *враги* непреставлѣни I 3, *грѣхѣи* оумножаются II 208, 227, *рѣсли мѣщѣхѣи* I 251; однако можно замѣтить и карпаторусскую форму: *гѣлосы* I 1 (ср. Грамм., с. 32). Основа на *ѣ* имѣетъ *людѣ* I 34 (= Грамм. с. 42), но и *люди* мѣ завѣлѣни II 194.

Родит. мн. ч. то оканчивается на согласную (= *именит. ед. ч.*, по церковнославянски), то получаетъ карпаторусское окончаніе -ов (-ѣв): *мнѣго члѣн* I 256, и *дрѣгихъ члѣновъ* II 222, *множество мѣченик* II 108, и *нѣвѣхъ мѣчениковъ* II 108, *Праотецъ*, и *Отецъ нашѣхъ* I 35, *ѣ. Отецъ* II 231, и *Ѣтыхъ Оцѣвъ* II 249, и *всѣхъ врачевъ* II 34, *дѣр Рожѣихъ* I 46, II 177, 184, *ѡдѣлмъ* II 146, *врагъ* II 117, *недѣгъ* II 118, *ѡ грѣхъ* II 118, *всѣхъ земныхъ члѣновъ* II 291, *ѡ взѣр* I 27, *ѡ дрѣжѣмъ вѣин* I 29, но *червѣковъ* I 20, *погановъ* II 213, *Хрѣтіановъ* II 66, *богачевъ* I 245, *слѣчачевъ* I 32, *рѣдичевъ* II 206. Основа на *ѣ* имѣетъ *людѣи* I 7, а по аналогіи и *родѣтелѣи* II 206.

Въ *дат. мн. ч.* отмѣтимъ форму Господіномъ I 224 съ сохраненіемъ слога -ин- во множ. ч. Основа на ї имѣть и людемъ II 117, и людіемъ I 314.

Винит. мн. ч. то представляетъ правильную церковно-славянскую форму на -ы: сыны II 275, то имѣть форму собственно именит. падежа: чрезъ своѣ рабѣ I 265, почитаеме чело-вѣци I 35, наши Оци сотворѣа II 270, зрѣще грѣси II 30, но и преодо-лѣти грѣхѣ II 149; въ мягкомъ склоненіи -іе: избѣрает... мѣжіе 268, мучити непріятеліе своѣ I 317.

Въ *творит. мн. ч.* церковно-славянское окончаніе -ы не встрѣчается, употребляются лишь карпаторусскія формы на -ми, или -ами: слѣчайми I 266, со звѣрьми, кореньми II 253, Царьми II 104; над... оуставами и нравами I 25, предъ врагами I 28, дрѣзіями I, 178; послѣдняя форма близка къ формѣ русскаго литер. языка: друзьями.

Въ *мьстн. мн. ч.* употребляются какъ церковно-слав. окончаніе -ѣхъ: во грѣсѣхъ I 120, II 220, 304, по оуставѣхъ I 197, на оуглѣхъ I 206, такъ и окончаніе -ахъ, которое по указанію Грамм. (с. 41) „а Russica communі derivatum“: во грѣбахъ I 78, во нравахъ I 7, вертепахъ II 209, по всѣхъ полкахъ II 226, во Господінахъ I 296.

Существительныя имена *средняго рода* обыкновенно имѣютъ въ *имен. ед. ч.* (въ мягкомъ склоненіи) церковно-славянское окончаніе -іе: житіе I 120, терпѣніе I 117, блаженствіе I 118, платіе I 253, вѣстіе I 20, голѣзіе II 292, но встрѣчаемъ и съ карпаторусскимъ окончаніемъ -а: всакое поколѣна I 272, II 288, черное пѣра II 99. Основа на согласную имѣетъ ц.-сл. форму: всакое скѣта II 75.

Въ *родит. ед.* также обыкновенно церковно-славянское окончаніе: избраніа II 288, хотя и карп.-русск. ѿ зѣмнаго поколѣна II 288. Основа на согл. представляетъ и церк.-слав. форму: с' небесе II 260 и русскую: изъ неба I 6.

Въ *дат. ед. ч.* окончаніе -ѣ (-ю) принимаютъ и слова съ основой на согласную: словесѣ II 263, словѣ I 64, II 269, ко ономѣ времю II 234. Ср. и въ *твор. ед. ч.* словомъ I 8, II 32, 68.

Въ *мьстномъ ед. ч.* слова мягкаго склоненія представляютъ большое разнообразіе формъ. Кромѣ церк.-слав. окончаній -їи и -и находимъ и карп.-русск. -и, -ѣ и даже -ню, заимствованное изъ склоненія словъ муж. р.: во мори II 187, о сердци

І 7, ІІ 155, и во сердцѣ І 7, о напѣтїи І 252, о слонравїи ІІ 188, во сообщїтельномъ житїи ІІ 28 и во ѱединенномъ житїю ІІ 28, при оуправленїю І 139, во своемъ благополучїю и щастїи І 129, при створенїю ІІ 53, во оубѣжанїю ІІ 28, при своемъ имѣнїю ІІ 162; во Царствїи І 97, о щастїи и нещастїи І 300, (но тамъ же — о щастїи и нещастїи).

Слова съ основой на согласную представляютъ такїя формы: во времени І 30, на нѣбѣ ІІ 261, словѣ І 178, 241.

Имен. множ. ч. оуха ІІ 49, 172, 307, 308, отступаетъ отъ формы, указанной въ Грамм. с. 48 (съ оконч. -еса или оуши)

Также и въ *родит. мн. ч.* встрѣчаемъ отступленїя отъ формъ, приведенныхъ въ Грамм. с. 46-48: ради оч І 34, ІІ 56, но челоуѣческихъ ѡчей ІІ 302; подъ влїянїемъ склоненїя словъ муж. р. явилась форма: дла чадов ІІ 205, 206, 207, ѿ слѣдств ІІ 169; слова съ основой на согл. сохраняютъ въ этомъ падежѣ церк.-слав. образованїя: множество чѣдес І 5, словесъ его І 36.

Дат. мн. ч. представляетъ не только ц.-сл. окончанїя -ом (-ем) но и -ам: правам І 32, на что указано въ Грамм., с. 48: „in Ruthenica etiam in am, et am ex communi Russica“...

Въ *твор. мн. ч.* большею частью употребляются нецерк.-слав. формы съ окончанїемъ -ми: чѣствїами ІІ 219, 279, имѣнїями ІІ 183, очими І 4, 26, 29, ІІ 216, послѣднее слово однако чаще является съ окончанїемъ -ма, изъ стараго двойственнаго числа (ср. Грамм. с. 128): очима І 164, 170, 251, ІІ 207, 219, 237, 240, 247, 271; по аналогїи находимъ и оухама ІІ 219, дѣлама І 170.

Въ *мѣстн. мн. ч.* употребляются и церковнославянскїя формы съ окончанїями -ѣх, -нх и -ех: во всѣхъ желанїихъ ѿ дѣлех І 23, в' дѣлѣхъ и чѣдѣхъ ІІ 125, Во прѣжнихъ временаехъ І 24 и новыя с окончанїями -ахъ и -ахъ: в дѣлаехъ ІІ 67, крилахъ ІІ 210, во оустахъ І 34, ІІ 121, оустроенїахъ І 18, во ѡчахъ ІІ 285.

Въ словахъ *женскаго рода* мягкаго склоненїя въ *родит. ед. ч.* обыкновенно употребляется окончанїе -и, которое М. Лучкай считаетъ одинаково свойственнымъ какъ церк.-славянскому, такъ и карпаторусскому яз.⁵⁰⁾: воли ІІ 292, ѿ землїи І 33, но встрѣчаются и формы до хижѣ ІІ 87, и вѣчеры І 138, ІІ 72; послѣдняя по аналогїи твѣрдаго склоненїя, (хотя ср. вѣчерѣ, -рю І 138).

⁵⁰⁾ См. Грамм., стр. 42 и 44.

Исключеніе представляетъ въ *дат. ед. ч.* форма *лжѣ* II 148. такъ какъ согласно Грамм. (с. 43, § 16) „*Feminina in жда (жа) жа, ш, щ, ча, ца... pertinent ad Paradigma волѣ*“, слѣдовательно должна бы имѣть окончаніе *-и*.

Въ *творит. ед. ч.* совершенно не встрѣчается карпаторусское окончаніе *ѡк (ѣк)* (Грамм. с. 42-43, 45), но довольно часто отъ словъ съ основами на *ї* находимъ формы на *-ѣю*, неотмѣченныя въ Грамматикѣ: за *тѣнею* I 176, *помощею* I 218, *заповѣдею* II 52, *мыслею* II 76.

Въ *мьстн. ед. ч.* отъ основъ на *ї* встрѣчаемъ также неотмѣченныя въ Грамматикѣ окончанія *-ѣ* и *-ѣй*: *во бранѣ* II 131, *во скорбѣ* II 213, *во немощей твоей* I 203.

Въ *именит. множ. ч.* нѣкоторыя слова твёрдаго склоненія имѣютъ вмѣсто *-ы* окончаніе *-и*, подобно словамъ съ осн. на *ї*: *новїзни* II 106, *столи* II 292.

Въ *родит. мн. ч.* любопытно отмѣтить такіе слѣды вліянія основъ на *а* на основы на *ї*, и обратно, какъ *грѣхѡвнѣхъ скѣз* II 227, *їныхъ добродѣтель* II 276, *ѡ волней* II 304 (къ имен. ед. *волна*)⁵¹).

Въ *творит. мн. ч.* окончаніе *-ами* распространено и на основы на *-ї*: *рѣчами* II 71, *вѣщами* I 247, (хотя и *вещами* I 236), *скорбїами* II 208, 225; кромѣ того встрѣчается и окончаніе *-ма*, слѣдъ стараго двойственного числа: *Рѣкама* II 164, *Рѣкама ѿ ногами* II 219, *пред двѣрма* II 19.

На основаніи сдѣланнаго нами разсмотрѣнія формъ склоненія имѣнъ существительныхъ приходится заключить, что М. Лучкай, который въ своей Грамматикѣ такъ опредѣленно отдѣлилъ церк.-слав. формы отъ карпаторусскихъ, — на практикѣ, въ своихъ «Бесѣдахъ» не могъ установить какого-либо критерія для употребленія тѣхъ и другихъ формъ и даже создавалъ или примѣнялъ такія формы, какихъ не успѣлъ, или не нашёлъ нужнымъ привести въ своей Грамматикѣ. Мало того, приходится указать рядъ случаевъ употребленія совершенно неправильныхъ формъ склоненія, смѣшенія родовъ, смѣшенія падежей, особенно въ соединеніи съ предлогами.

⁵¹) При образованіи послѣдней формы авторъ, повидимому, руководился, хотя довольно неудачно, слѣдующимъ правиломъ своей грамматики (с. 44): „(Genitivus pluralis) in affectis vocalibus occurit etiam ѣ... зарей“.

Отъ слова *тѣнь* встрѣчаемъ *вин. ед. ч. тѣнѣ* II 275, отъ слова *сын* — *твор. ед. ч. — сѣым* I 6, въ *родит. мн. ч.* находимъ окончаніе *-ѣх*: *ѿ персеѣхъ Матѣрныхъ* II 122, со презрѣніемъ *Ѹтыхъ своѣхъ повиностѣхъ* II 159, по свидѣтельствѣ... *Ѹ. Отецъ и оучителеѣхъ* II 231; трудно опредѣлить, въ какомъ значеніи: падежной формы или нарѣчія употреблено слово *домѣ* въ такомъ сочетаніи: *домѣ идѣще, домѣ нигды не достѣгнѣа* II 18.

Слова муж. р. съ основой на *а* переходятъ въ нѣкоторыхъ формахъ въ склоненіе основъ на *Ѹ*: *им. ед. ч. коєкод* I 138, 139, *род. ед. ч. коєкода* I 140, *род. мн. ч. коєкодовъ* II 180⁵²). Отъ слова *сатана* — *дат. ед. ч. сатанѣ* I 289; *вин. ед. ч. конѣ потоптал оубѣйца* II 181 (*вм. -цѣ*). Слово *Месіа* II 264 (*им. ед. ч.*) представляетъ форму *род. ед. ч. сего Месіа* II 104 и *ѿ Месіа* II 264, *твор. ед. ч. Месіемъ* II 302; такую же форму *твор. ед. ч.* имѣютъ и слова: *сѣдѣ* I 4 — *пред сѣдѣемъ* II 220, 257, 259, *Ѹома* — *Ѹо Ѹомомъ* II 79; слово *слѣга* имѣетъ *род. мн. ч.*: *ѿ слѣговъ* II 87. Наоборотъ, *дат. ед. ч.* отъ нѣкоторыхъ словъ съ основой на *Ѹ* образованъ какъ бы отъ основъ на *а*: *животѣ его конѣцъ* II 277, *людѣмъ и селѣмъ* I 314, *по словѣмъ* II 178, 241 (хотя и *по словѣмъ* II 269). Подобнымъ же образомъ собственное имя съ основой на *а* перенесено въ основы на *-ѸѸ*: *Исаѣй Прѣрокъ* II 15, наоборотъ изъ осн. на *Ѹ* въ осн. на *а*: *Благоговѣный Ѹвѣа* II 10.

Колебаніе въ родѣ имёнъ существительныхъ замѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ: слово женскаго рода *мѣдѣ* перенесено въ муж. родъ: *мѣдѣ звѣнѣщій* I 283⁵³). Слова муж. рода *соблазнѣ*, *возрастѣ* оказываются словами женскаго рода, какъ указываютъ опредѣляющія ихъ прилагательныя, въ такихъ сочетаніяхъ: *Ѹ всакіа соблазни* II 27, *ко совершѣннѣю вѸзрастѣ* II 47; какого рода слово *соблазнѣ* въ сочетаніи: ни едино соблазнѣ емѣ не дающе? — трудно рѣшить. Слово женскаго рода *мысль* имѣетъ форму *родит. ед. ч.* какъ бы мужскаго рода: *нѣсть слова, ни мысла* II 82, а въ предложеніи: *мысли емѣ извѣстна* II 289, судя по формѣ прилагательнаго, оно

⁵²) Въ Грамм. однако приведено это слово въ формѣ — *коєкода*, с. 28.

⁵³) Это слово встрѣчается въ цитатѣ изъ 1. Посланія ап. Павла къ Коринѣ: 13. 1.; въ церк.-слав. текстѣ видимъ правильное сочетаніе: *мѣдѣ звѣнѣщи*, но Лучкай принялъ форму *имен. ед. ч. причастія женск. рода* за форму муж. р., поэтому и слово *мѣдѣ* перевёлъ въ муж. родъ.

средняго рода. Слово *степень* въ имен., винит. и мѣстн. ед. ч. признаётся словомъ женскаго рода: *перваа Стѣпень* II 277, *на сію стѣпен* II 280, *во послѣдней стѣпени* II 277, въ винит. же и мѣстн. ед. оно оказывается и мужскаго рода: *на болшій стѣпень* I 215, *на вышій стѣпен* I 216, *на вышшем стѣпени* II 276. Слово *пламень* въ твор. ед. ч. стало женскаго рода: *пламенію внѣтренною* II 97.

Приведёмъ далѣе нѣкоторые случаи неправильнаго употребленія падежей при предлогахъ: *во самыхъ сластій* I 273, *ѡ тѣлесныхъ сластій* II 214, *безъ его дозволеніем* II 118, (ср. *кромѣ его дозволеніа* II 267), *во собраніа добродѣтельнаго вѣщенъ былъ* II 276, *изъ десять дѣвицъ* I 40, *при найбритшихъ вѣсѣдъ* II 170, *при всемъ твоимъ непризнаніемъ* I 203, *при закѣтинахъ, и нечестыхъ вещей* II 214, *ко ковчезѣ* II 75, *ко мори* II 182, *ѡ благо или злопріятныхъ околѣчностей* I 311, *ѡ персехъ Матѣрныхъ* II 122, *по воздѣсѣ* II 157, *по невѣ* I 154, *по дѣлѣ его* II 203, *по множествѣ* II 289, *по свидѣтельствѣ* II 231, *по достоинствѣ своемъ* II 260, *по словѣ* II 178, 241, *по словѣ, и по заповѣдехъ* II 269, *по маломъ часѣ* I 327, (ср. *по немѣ* II 126, *по заслѣзѣ* II 305 и т. п.), *посредѣ самыи расбѣйниками* II 261, *чрезъ сами союзники* II 130, *аще возвысимеа надъ природнымъ слабости и естественнаа правіла* II 259, *Ѡчи мои надъ всѣхъ пѣтехъ*⁵⁴⁾ II 194.

Въ именахъ прилагательныхъ замѣчается употребленіе формъ именныхъ (краткихъ) и сложныхъ (полныхъ) безъ всякаго различія: *вѣди справедливый, вѣди милосерден* II 242, *ненарѣшимомъ пѣтемъ естественымъ* I 213, *кѡль многіи сѣтъ... кѡль мнози сѣтъ* II 14, *ко силнѣйшемъ, и богѣтшимъ* II 295. Вслѣдствіе этого нерѣдко смѣшиваются формы падежей творит. и мѣстнаго ед. ч. муж. и средн. рода имёнъ прилагательныхъ и мѣстоименій (притяжательныхъ): *со опоманѣтомъ богачемъ* I 146, *перворѣдномъ грѣхомъ* II 235, *добродѣтельномъ быти* II 259, *слѣпомъ случаемъ* II 118, *со днешнемъ Фарисеемъ* II 190, *со ближнемъ* II 283, *во цѣломъ свѣмъ животѣ* II 286, *во нещѣстномъ своімъ составѣ* I 215, *во глѣбокомъ Божіимъ* I 267, *во свѣмъ возвышеніи* II 275, *на своімъ* II 235, *о злонравіи своімъ* II 188, *при долгимъ ѡлаганіи* II 145, *во послѣдномъ твоімъ дѣлѣ* II 153. Особенно часто замѣчается употребленіе сложныхъ формъ прилагательныхъ въ значеніи

⁵⁴⁾ Это собственно цитата изъ кн. Іереміи 16. 17, но въ церк.-слав. текстѣ правильно — *на всѣхъ пѣтехъ*.

сказуемаго: подобный есть I 210, пріятый был I 224, справедли-
вый был I 233, не может быть худное I 201, море не есть емя
пространое и глѣбокое I 312 и т. п.

Имена прилагательныя Божій и Христовъ представляютъ
иногда сложныя формы, которыхъ по собственному указанію
М. Лучкая имѣть не должны⁵⁵): Божал I 147 (им. ед. ж. р.),
Бѣаго I 250, 255 (р. ед. м. р.), Божал I 269 (им. мн. ср. р.),
под крѣпкою рѣкою Божію I 156, ласкою Божію I 157, Божію
I 274 (тв. ед. ж. р.), Хрѣтовсю I 262.

Въ творит. мн. ч. наряду съ окончаніемъ -ми встрѣчается
и окончаніе -ма какъ у прилагательныхъ, такъ и у мѣстоименій:
со всѣми избранныма II 232, со слезами горлчима II 150, малыма
рѣчачи II 71, междѣ имѣніами нашими II 183, пред очима на-
шими II 240, свѣима рѣками II 125, междѣ има I 46, междѣ имѣ
II 208, снима I 100, 281, 304.

Колебанія являются и при образованіи степеней сравне-
нія им. прилагательныхъ; сравнительная степень образуется
посредствомъ суффиксовъ -шій и -ѣйшій безразлично, такъ что
можно указать случаи образованія формы съ тѣмъ и другимъ
суффиксомъ отъ одного и того же прилагательнаго: частше II 69
и частѣйше II 93, 139, тверше II 279, нѣсть твѣржіа наѣки
II 191 и твердѣйше II 69, молодши II 69⁵⁶), дѣлшій I 43, долже
II 154 (отъ долгій), глѣбше II 139 (глѣбокій), слабшіа I 46, слабши
II 147, блішше I 61 (близкій), рѣшше I 147, рѣдшаго II 223, 225
(рѣдкій)⁵⁶), кѣршій II 250, (кѣртый), легшій II 250, лекше I 328,
(легкій), скѣрше II 93, 253, 304, 325, тѣгше II 145 288, (тѣж-
кій), вѣтхшое II 253⁵⁶), но теплѣйше II 69, полезнѣйшій, а совер-
шеннѣйшій (ѡ сегѣ) I 44, нѣсть нѣжданѣйшіа вещи II 226, раднѣйше
I 324, 329, и т. п. Суффиксъ -ен встрѣчается въ выраженіи:
худнен бѣти неможеме I 280. — Предметъ съ которымъ дѣлается
сравненіе, часто ставится съ предлогомъ ѡ: ѡ тогѣ нѣт бѣл-
шой милостыни II 224, ѡ вѣтра скорше II 214, ѡ мене честнѣйшій
II 191 и т. п.

Превосходная степень выражается не только частицей

⁵⁵) „Adjectiva Possessiva in ѡ, ов, ев, енъ, ни non assumunt formam
determinatam, божин (и т. п.)“ Gramm. p. 141 (§ 6).

⁵⁶) Ср. въ Gramm. p. 62, молодой моложіи, вѣтхій вѣтшій, рѣткій рѣжіи,
такимъ образомъ въ вышеприведенныхъ образованіяхъ М. Лучкай от-
ступаетъ отъ принятыхъ имъ правилъ!

най, какъ указываетъ М. Лучкай въ Грамматикѣ⁵⁷⁾, но и словомъ Ѡ всѣхъ и частицей май, напр. найгрѣше II 15, найлѣпшій II 250, най брѣтшнхъ II 170, най глѣпшій II 191, най тѣгшїа II 277; Ѡт всѣхъ послѣднѣйшій II 277; майлѣпше, май веселѣйше I 7. Любопытно, что эта частица май можетъ присоединяться не только къ формѣ сравнительной степени, но и къ формѣ положительной степени: май же натѣрѣ его протѣвное I 318, и даже къ цѣлому выраженію: Май же коль постѣпанїа толь тысяща II 151, Май же каждомъ живѣтномъ рѣдн обороненїа своѣго орѣжіе їсть дано II 157.

Изъ числительныхъ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего єдїн I 42, являющееся то въ такой церк.-славянской формѣ: ко єдїномъ часѣ II 277, то въ нецерк.-славянской формѣ: єдна I 42, єднѣмъ словомъ I 8, II 32, 68, 172; числительное ж. р. двѣ имѣетъ родит. п. и изъ двѣхъ частей II 166 и двѣхъ сил II 259⁵⁸⁾. Числит. сто имѣетъ въ творит. п. со стомн II 148⁵⁹⁾. Числительное пѣть иногда является несклоняемымъ: всѣми пѣть чѣвствїами II 219, пѣть ко днѣмъ минѣвшимъ II 287 и т. п.

Формы глагола обращаютъ на себя вниманіе образованіемъ основы, отступающимъ иногда отъ церк.-славянскаго. Такъ, вмѣсто приобрѣсти находимъ приобрѣти I 248, II 165, 257, наст. вр. 1 л. ед. ч. приобрѣю I 241, 2 л. ед. приобрѣш I 253, но 1 л. мн. приобрѣвѣме II 215, 2 л. мн. ч. приобрѣтаете II 165, (такимъ образомъ основа мѣняется по лицамъ и числамъ); вм. имати — является имити II 163, 194, наст. вр. 3 л. ед. имит I 13, (и прїимит II 307, но и прїимаеме I 185); вм. лгати — лжити II 174, наст. вр. 3 л. ед. лжит II 174; вм. плакати — плѣчати II 306; вм. повѣдати (или повѣдѣти) повѣсти I 31, 79, прош. вр. предповѣа I 190, исповѣа I 117, II 191; форма неопредѣл. накл. изверещи II 73 образована съ русскимъ полногласіемъ и съ церк.-слав. окончаніемъ. Нѣчто подобное, по видимому, представляетъ и форма 3 л. ед. ч. буд. вр. — Ѡвѣрет I 295, въ которой можно предполагать руссификацію чешской формы — otevře. Глаголь имѣти является большею частью въ карпато-русской формѣ мати II 176, маю II 194, не маѣт

⁵⁷⁾ „(Superlativus) In Ruthenico formatur praefigendo най“. (Gramm. p. 63).

⁵⁸⁾ Въ Грамм. указываются формы: ц.-сл. двою, карп.-р. двохъ, (p. 66).

⁵⁹⁾ Ср. Грамм. (p. 67): Slav. стом, Ruth. стом, а.

-ае- въ -а-: дѣмат II 200, стѣкат II 85, но употребляются и (карпаторусскія) формы безъ -т: неведе I 106, пристигне I 38, оусилвеса I 156, не хоче I 150, ѿде I 106, II 133, прѣиде II 196, 202 (ср. и прѣидет II 196), мине II 138, не одѣеса II 251, не испде II 267; вспомогательный глаголь представляетъ въ 3 л. ед. ч. (съ отрицаніемъ) и форму нѣсть I 312, II 191, 226, и несть I 308, не всть I 308, 312, и нѣт II 178, 224, 225.

Въ 1 л. мн. ч. наст. вр. почти исключительно видимъ окончаніе -ме; ламлеме II 214, вѣржеме II 152, жиеме II 98, (со стяженіемъ -ае- въ -а-) знáme I 38, боймеса I 34, извѣстимеса II 273, но изрѣдка встрѣчаемъ и окончаніе -м: оудостокрамеса I 218, принждѣмса I 22. Въ 1 л. мн. повелит. н. наоборотъ, чаще встрѣчаемъ окончаніе -ѣм рѣже-ѣме⁶⁰): Бога хвалѣм I 72, видѣм I 68, 259, положѣм I 261, Ползѣймеса... послажѣм II 284, Смотриѣм... оупотреблѣме I 68, Прѣимѣм... ревнѣме I 230, имѣме, паматанме... на значѣм II 274, вѣдѣм... бесѣдѣме I 237, Возвѣдѣм... возненавидѣм... оплакѣме II 306, но и возрѣме II 188, и Воздаѣм I 237 (вм. воздаѣме).

Въ 3 л. мн. ч. наст. вр. постоянно употребляется окончаніе -т, т. е. такое, какое М. Лучкай признаётъ свойственнымъ церковнославянскому языку⁶¹), только разъ встрѣтилось -тъ: робать II 194 (по карпаторусски); одинъ разъ также пришлось отмѣтить въ окончаніи ѣ вм. ю въ положеніи послѣ гласной ставѣт II 107.

Прошедшее время выражается различнымъ способомъ: 1. формами церковнославянскаго аориста (очень рѣдко): 1 л. ед. ч. зноухса I 175, застѣдѣ боухса I 175, исполнѣх I 295, ѡкривдѣх II 177; 3 л. ед. ч. снѣде I 5, вкнѣде II 176, помрѣ I 143, II 116, возведе I 143, II 13, обрѣте I 143, возме II 19, 84, приа II 204, избере, принесѣ II 84, бысть II 151; 1 л. мн. ч. со Хрѣтомъ разпнѣхомса II 304; 2 л. мн. ч. Ѡрекостѣса II 262, предастѣ II 262; 3 л. мн. ч. заблѣдѣша, себѣ пригвоздѣжиша I 250, Ѡгли на небесѣхъ возрадовѣшася, пренсподнѣа и земнѣа возвеселишася.

2. формами сложнаго прошедшаго: а) причѣмъ вспомогательный глаголь не сливается съ причастіемъ на -лѣ: 1 л. ед. ч.

⁶⁰) „Apud Ruthenos etiam in Imperativo ē emanet: идѣм, неѣм“.
Gramm. p. 112.

⁶¹) См. парадигмы спряженія: Gramm. pp. 85-109.

азъ есмь лѣкавое сотворихъ I 133 (!), 2 л. ед. ч. снишелъ вси, основалъ вси II 299, 1 л. мн. ч. чѣли ѣсмя I 97, 276, шкъ есмь держали I 153, раздѣлили есмь II 307, 2 л. мн. ч. вѣровали есте I 23 и т. п.; б) вспомогательный глаголь слить съ причастіемъ: 1 л. ед. ч. ослабемъ II 194, мѣчимься II 194, найшелесмя (!) II 194, 1 л. мн. ч. чѣли сме I 97, вѣдѣли сме I 23, II 210, оусполовасмя I 154, стали смься II 306, 2 л. мн. ч. видѣли есте I 23, оуразумѣли есте I 253 и т. п.; в) вспомогательный глаголь опущенъ и (въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ) замѣщенъ личнымъ мѣстоименіемъ: 1 л. ед. ч. ѿ такъ чѣл I 77, тай ѿ негола II 194, ѿ нехотѣла II 194, 2 л. ед. ч. Ты мыслиа II 299, 3 л. ед. ч. ѿвѣтовала II 163, 165, не складовала II 195, не движалася II 184, не достигнѣла II 18, ѿвертала I 152, впала, и издохла II 19, донесла II 240, принесла I 70, замѣрзла I 222, вылѣзла II 176, извѣкъ II 191, звѣкъ II 194, привѣла II 240, привѣдола II 239, 293, превѣдола II 194, могола I 73, немогола II 234, помогола II 103, могла II 267, вышла II 160, найшелася II 111, нашлось II 246, надѣшася II 111, Воскресла егда изъ мертвыхъ (I ?) (— Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на колебаніе въ образованіи причастія на -лъ: согласная л въ положеніи послѣ задненѣбныхъ и свистящихъ зубныхъ то сохраняется: могла, издохла, донесла, замѣрзла, то отпадаетъ: звѣкъ, вылѣзла, то между согласной л и предшествующей задненѣбной, или зубной (д) вставляется гласная о: могола, привѣдола, но и съ выпаденіемъ д: привѣла⁶²). 3 л. мн. ч. обернѣли II 32, погибнѣли II 145, привѣкнѣли II 148, звѣкли II 189, изышли I 108, еще не счнѣли II 36 и т. п. г) при образованіи прош. вр. отъ глагола ити причастіе на -лъ замѣняется иногда причастіемъ прош. врем. (на -дѣ): пришѣд I 230, II 13, 284, 289, никто не пришѣд I 137, II 294, онъ же снѣшѣд I 70, изшѣд I 270, нашѣдсмя I 222.

Подобное же разнообразіе формъ мы замѣчаемъ и въ образованіи сослагательнаго наклоненія: 1 л. ед. ч. образуется обыкновенно изъ соединенія причастія на -лъ съ формой 1 л. ед. ч. аориста вспомог. глаг. — быхъ: могола быхъ I 96, помѣр быхъ II 184, аще быхъ... престѣпала I 295—296, да быхъ въ ней не втопѣлсмя I 35, да быхъ сѣ провказаа II 189, да быхъ... небыла II 249, что быхъ едино свидѣтельство не привѣдола II 236, что быхъ тебѣ оукъзала II 248 и т. п., но встрѣчаются и сочетанія съ частицей

⁶²) Ср. въ Gramm. p. 97: „Particip. Activ. ante л emanet д т: падѣ, пала, оберѣла ab оберѣтѣ“. Въ парадигмѣ (p. 95-96): Ruth. нес и несл.

бы: а) аориста спрягаемаго глагола погнѣохъ бы II 184, б) причастія съ мѣстоименіемъ личнымъ — дарѣмно бы и оукрѣл II 295.

Въ другихъ лицахъ встрѣчаемъ лишь сочетаніе причастія на -лъ съ частицей бы и (въ 1 и 2 лицахъ ед. и мн. ч.) съ вспомогательнымъ глаголомъ въ формѣ наст. времени, причѣмъ вспомогательный глаголъ то сливается съ частицей бы въ одно слово, то не сливается: 2 л. ед. ч. погнѣ бы еси II 184, возненавидѣл бысь, аще бы еси... видѣл II 272; 3 л. ед. ч. кто бы могол I 16, 48, 89, пропалъ бы II 202⁶³), бы переса II 189, бы исповѣл II 191, оузналъ быса I 39, ѡплѣковалъ бы I 5, переишолъ бы II 148, что бы внишелъ II 160, да бы ѡишелъ I 166, дабы... ѡмалъ I 4, чтобы не продавъ I 140, что бы ѡишелъ I 159, чтобы произышелъ I 267⁶⁴); 1 л. мн. ч. что бы ѣсмы... были I 26, дабы всемы мѡгли I 119, да бысмы мѡгли I 128, 154, II 274, да бы ѣсмы... почитали II 304, тѣшили бесмыса I 154⁶⁵). 3 л. мн. ч. они прѣмали бы были I 32, что бы были мѡгли II 144.

Причастія являются въ «Бесѣдахъ» то въ несклоняемой формѣ (дѣепричастія), то въ склоняемой. Причастія наст. вр. дѣйств. з. несклоняемая имѣютъ окончанія -а, -ай (т. е. собственно форму им. ед. м. р.) любѣа II 225, любѣай II 224, преждѣдѣса I 229, ненаходѣай II 20, или -аще, -ѣще (форму им. мн. ч. муж. р.): носѣще II 19, робѣще II 194, сѣще II 13, идѣще II 18, причѣмъ какъ эти послѣднія, такъ и склоняемая причастія представляютъ иногда неправильныя образованія: молчѣюще I 26, страждѣюще I 152, голоднѣющій II 212, имниуща I 200, страждѣющаго I 228, кричѣющаго II 113, плачѣющемъ II 307, хранѣющаа I 273, ненавертѣющѣюса II 164. Любопытно, что формы склоняемая и несклоняемая авторъ употребляетъ безразлично, соединяя ихъ въ одномъ выраженіи: лѣска Бѡжаа, ѡпѣщѣай грѣхѣи, оукрѣплѣай слабость, ѣ дарѣющаа любовь истинную, ѣ страхъ ѡнимѣющаа I 304.

Причастія прош. врем. дѣйств. з. склоняемая имѣютъ обыкновенно окончанія -вшій: предѣвшѣгоса II 306, несклоня-

⁶³) Ср. выше, въ формахъ прош. вр.: привѣдолъ

⁶⁴) Послѣднія двѣ формы одинаковы съ прош. врем., см. выше.

⁶⁵) Ср. на стр. 87 Gramm. примѣчаніе къ формѣ Ruth. били бы всемы: Si verbum всь, всемы, есте, ante se vocalem habeat, in communi ore alterutra vocalis absorbetur: били, бысмы, aut били, всемы.

емя -ше: видѣше II 264, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ значеніи этой формы авторъ употребляетъ и церк.-славянскую форму imperfecti (2 — 3 лица), очевидно потому только, что и она оканчивается на -ше: при вратахъ сего богатаго лежаше, ожидаа II 13, Нѣкотори предъ идолами кланялися молаше ихъ тако Бѣа II 115, Родъ Іудейскіи видѣше... слышаше, и дивляшеса... дѣже мало емѣ вѣроваши II 264, Ісусъ Христосъ новыи закѣтъ основати намъ крашеса навѣдетъ I 62. Форма лжившіа II 180 образована отъ основы лжи (-ти)! Въ выраженіи: покающемъса винѣ ѿпѣстиа еси II 185 вмѣсто причастія прош. врем. употреблено причастіе наст. времени!

Причастія наст. вр. страдат. з. (съ окончаніемъ -мый) употребляются иногда въ значеніи дѣйствительнаго залога: пѣть ведомый I 219, II 5, 24 (= ведущій), злобамъ насъ мучимымъ II 117 (= мучащимъ), всѣкій на грѣхъ ведомый спѣсовъ II 137; неправильно образованіе въ невидомыхъ недостатки II 290 (вм. невидимые).

Причастія прош. врем. страдат. з. также иногда имѣютъ значеніе дѣйствительнаго зал.: зароснѣтый II 3 (= заросшій), нигда небытаа I 175 (= не бывшая), извѣсна II 230 (= взбѣсившаяся).

Мнѣ думается, что уже изъ произведѣннаго нами разсмотрѣнія свойствъ языка «Бесѣдъ» достаточно ясно видно, что М. Лучкай въ основѣ старался придерживаться правилъ и нормъ церковно-славянскаго языка, но при этомъ вводилъ въ свою рѣчь и карпаторусскіе звуки и формы, думая этимъ сдѣлать её болѣе понятною народу. Однако, къ сожалѣнію, какой-либо опредѣленной системы, какихъ-либо руководящихъ принциповъ мы въ этомъ смѣшеніи разнородныхъ элементовъ не можемъ усмотрѣть. Почему въ одномъ случаѣ говорится голосъ (ѿггѣлскіи I 108), а въ другомъ гласы I 103, въ одномъ мѣстѣ ѣзеро II 208, а черезъ нѣсколько страницъ озеро? Почему почти рядомъ стоятъ формы многіи и мнози въ совершенно одинаковомъ значеніи? Насколько понятнѣе для читателя стали такія полурусскія, полуцерковныя формы, какъ имаю (ц.-сл. имамъ, карп.-р. — маю), или изверещи (русское полногласіе + церк.-слав. окончаніе -щи), или такія изобрѣтѣнныя авторомъ формы, какъ очими (твор. мн. ч.) пощадаетъ, содержитъ, молчающе, кричающаго, принѣшетъ, азъ всмѣ сотворихъ и т. п.?

И подобное же смѣшеніе разноразличныхъ элементовъ приходится указать и въ синтаксисѣ «Бесѣдъ». Встрѣчается здѣсь и церковнославянскій оборотъ — дательный самостоятельный (*dativus absolutus*): минѣшей мѣзики, минѣт движеніа тѣлеснаа, минѣвшѣ сладномѣ животѣ пропадетъ сладость II 240, пять днѣм минѣвшим II 287, сотникъ видѣвшѣ: Исусъ на Крѣтѣ висѣщѣ, всю тварь премѣнитиса воскричаа II 101, — переводъ этого послѣдняго довольно запутаннаго выраженія на русскій языкъ былъ бы таковъ: сотникъ воскликнулъ, видя, что вся тварь подверглась измѣненію, когда Іисусъ висѣлъ на крестѣ; въ немъ интересно соединеніе церк.-слав. дат. самостоятельнаго съ латинскимъ оборотомъ *accus. c. infin.* Эту послѣднюю латинскую конструкцію мы встрѣчаемъ у Лучкая и въ иныхъ мѣстахъ: чтобы оузнали есте, менѣ имѣти власть I 172, не хотѣа егѣ оучастити крѣхт (= не хотѣлъ, чтобы онъ воспользовался крохами) II 20, непѣзнаа себе безѣмнымъ быти... некрѣютъ себе глѣпѣми быти II 55 желаетъ онъ себе почитати II 103 (=чтобы его почитали), кто стѣе Евангеліе читати нечѣа II 112, мыслиа себе быти во совершеннои безопасности II 123, Когда Богъ слаа желаніа не позволѣетъ исполнитиса II 127, ничѣ болше не желаетъ себе воздати, токмо благодарномѣ быти II 179, (= не желаетъ ничего, чтобы ему воздалъ, только чтобы былъ благодарнымъ), се дѣмаетъ: неозмѣжно себе дотолѣщаствѣнымъ быти II 223, котораго такъ славнымъ, и силнымъ быти надѣлалиса II 263, ѿ всѣхъ послѣднѣйшій себе быти не мнѣт II 277, оудостоверилъ себе быти... Мессіемъ II 302, дабы ѣсме себе с нимъ распѣтыхъ почитали II 304. Вполнѣ воспроизводящимъ латинскій оборотъ *Nomin. c. infin.* является выраженіе: видѣтиса плѣчати дѣчи II 306. Любопытное соединеніе конструкціи *Acc. c. inf.* съ чешскимъ вопросительнымъ оборотомъ представляетъ фраза: дѣмали: естли не ѿбманѣти мы тѣмъ человекѣмъ егѣ же мы сѣымъ Божіимъ быти вѣрили? I 6. — Такихъ вопросительныхъ оборотовъ, начинающихся словомъ естли, какъ въ чешскомъ языкѣ, можно найти нѣсколько, напр.: Естли Богъ Воскресеніемъ своимъ не проказалъ, что Сынъ Божій егѣ есть? I 18, Естли токмо Фарисѣи такъ глѣбоко бладили въ сѣй вѣщи? Естли сѣе заблѣженіе, искоренѣно изъ сѣрдца Хрѣтіанскаго? II 65, не предоувѣжаетъ естли оправданъ, или осѣжденъ бѣдетъ II 212.

Отмѣтимъ еще, что неславянскимъ является оборотъ, при которомъ прямое дополненіе при отрицаніи стоитъ въ винит.

падежѣ вмѣсто родительнаго: сладкое не знает, кто горкое не
кѣшал I 219, не запрѣгал людіе I 165, да бы нич нехнѣло I 142,
чѣжее не рѣшает I 234, немѣщему пристѣйную одеждѣ I 275,
милосердіе не имѣют II 18, непослышати слово его II 10, Желѣдок
непрінимающій шденіе II 10—11 и т. п. Слова, обозначающіе пред-
меты одушевлѣнные или даже лицѣ, имѣютъ въ значеніи ви-
нит. мн. ч. обыкновенно форму имен. мн. ч. (не родит. мн. ч.):
почитаеме человекци I 35, иныя Бози не бѣдѣш имѣти I 85, изба-
вил два нещастна I 159, кто исчислит славныя мѣжѣ и богатыя
I 169, покарал братѣа Іусифовы, предавшѣа и лжившѣа I 180,
звал пѣтешествѣющѣа I 204, иныя ѿгнали I 259, однако въ вы-
раженіи на вси нас I 154 поставлены рядомъ и форма именит.
мн. ч. и форма родит. мн. Это латинизирующее стремленіе
ставить дополненіе всегда въ винит. пад. проявляется и въ тѣхъ
случаяхъ, гдѣ русскій глаголь требуетъ родит. пад. дополненія:
Бѣдѣщій дѣнь достѣгнешѣи II 61, Кѣжное дѣло глѣбѣкое желѣет
послѣшаніе II 177, всѣкъю Главѣ оубѣгѣет II 279, Ктѣ похвалѣт
множество нынѣшныя люди II 16. Правда, встрѣчаемъ мы и
родит. п. дополненія, который тоже не соотвѣтствуетъ нашимъ
грамматическимъ требованіямъ: слово Бѣжіе со небесѣ снѣшло рѣда
человѣческаго наѣчѣти правды I 70, многоразличныхъ плодѣв, то ѣсть
добродѣаній раждѣет. И въ другихъ случаяхъ согласованія до-
полненія съ глаголомъ отличается отъ нормъ русскаго языка:
кто емѣ не соглашѣетсѣ II 101, ктѣ им несогладѣтсѣ (= съ ними)
II 188, емѣ не ѿ ѣл II 122, во рѣкахъ емѣ сѣтъ II 128, сокровѣще
всегѣ свѣта владѣет II 292, (хотя и зѣмным, ѣ Небѣсным сокровѣ-
вищем владѣет II 295), свѣтом завоюет II 264, ѣще бѣ давным
своѣм товаришом выстѣпилсѣ II 192 (= отступилсѣ отъ преж-
нихъ своихъ товарищей), на помошѣ оутѣкати II 197 (= за по-
мошью), на слово рѣзѣма на движеніе совѣсти слышѣт II 261,
не чѣдѣетсѣ на дѣло II 261, за грѣхѣи жаловати II 273 (жалѣтъ
о грѣхахъ), за непрѣтелѣа держѣме II 280, нѣскѣлко днѣми про-
дѣлжити II 305, надъ врагомъ своѣм ометитсѣ II 139, 289, див-
лѣтсѣ на томъ II 224, (но надъ его великодѣшѣем дивѣтсѣ II 226),
ѿ темнѣцы бѣтсѣ I 8, ѿ кѣждаго листнаго шѣма боѣтсѣ I 26;
любѣвь ко Іесусѣ предакшагосѣ за насъ II 306 (согласованіе дат.
п. съ родит.).

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ
ещѣ отмѣтить обыкновеніе автора ставить глаголь въ концѣ

предложенія. Это онъ дѣлаетъ и тогда, когда предложеніе бываетъ очень длиннымъ: *ѡще хощеме истиннии Хрѣтіани быти, о сем оученіи Іс Хрѣтовом дѣмати, сіе во сердце наше глѣбоко прѣати, и во дѣлахъ нашихъ изъвити должнствѣме* II 268, *котѡринъ всакій грѣхъ Пѡстомъ истревити мѡжно дѣмаютъ* II 242, *глѣхимъ слыхъ, нѣкимъ бесѣдѣ навѣрталъ* II 287, и т. п. — въ этомъ также можно видѣть вліяніе латинскаго синтаксиса.

Невыдержанность, непослѣдовательность въ употребленіи языковыхъ нормъ приводитъ къ тому иногда, что являются выраженія, совершенно неправильныя, даже непонятныя, напр. *Бѡгъ мѡжетъ вопрошати се ѡ рода челоѡческаго: что есть, вже не содѣлахъ про васъ о Чѡда моѡ?* I 271, — здѣсь только послѣдующее вопросительное предложеніе даётъ возможность догадаться, что не челоѡческой родъ вопрошаетъ Бога, а наоборотъ Богъ обращается съ вопросомъ къ челоѡ. роду. Другой примѣръ: *Августъ стрѣтилса со старымъ вѡннымъ ведѡмымъ на прѡво. Кѣсарь, такъ кричитъ вѡинъ: ѡ невинно ведѣса на прѡво...* II 180. — Порядокъ словъ и интерпункція прежде всего заставляютъ думать, что ведутъ «на прѡво» именно Августа, только изъ дальнѣйшихъ словъ выясняется, что «ведомымъ» оказывается старый воинъ.

До сихъ поръ мы старались отмѣчать, какія особенности представляетъ языкъ «Бесѣдъ» М. Лучкая, именно съ грамматической точки зрѣнія и пришли къ заключенію о смѣшеніи въ нёмъ очень разнородныхъ элементовъ. Но самъ Лучкай, говоря о созданіи «средняго» типа литературнаго языка, имѣлъ въ виду, конечно, лексическую сторону языка: *Что порѣски изрѣдно выражаѣтса, а что изъ библическаго лѣгко разѡмѣтса оупотреблати смыгѡл ѣсмы са.* (I. Предисл.)

Въ дѣйствительности мы видимъ, что онъ въ основу кладетъ лексику церковно-славянскую (библическую), такъ что иногда у него цѣлыя фразы и выраженія имѣютъ церковно-славянскій характеръ, ср. напр. выше приведенную цитату на этой стр. (II 242), или такія выраженія, какъ: *непрѡвдѣ сей видъ прѡвды дѡти, и непрѡвдѣ во ѡдеждахъ правды ѡдѣяти* I 4; *Ѣсть в' челоѡцѣхъ прекраснаѡ свѡйства, ѡко милосѣрдїе, челоѡколюбїе, смиренность, крѡтость, благодарность страннолюбїе, прозорливость и пр: тѡкмо потрѣбно всѡ сїѡ в' дѣйствїе рѣшити, ѡже днѣвнымъ, (= вжеднѣвнымъ) оупражненїемъ во совершенство привесть* . 45;

Нещастнаа вѣсть слѣпотѣ тѣла, нещастнѣйшаа вѣщѣ дѣшевнаа. Онаа ѿнимает ѿ челоуѣка радость свѣта сего, сѣаже веселіе жизни вѣчнаа. I 84 и т. п. На ряду съ этимъ встрѣчаемъ много словъ и выраженій нецерковнославянскихъ, именно прежде всего карпаторусскихъ. Такъ въ вышеприведѣнной цитатѣ (I 45) оказывается выраженіе — в' дѣйствіе рѣшити, гдѣ послѣднее слово употреблено въ томъ значеніи, которое оно имѣетъ въ карпаторусской рѣчи: приводить въ дѣйствіе. Укажемъ здѣсь нѣсколько такихъ выраженій.

лчѣй II 139, 246, лчій I 49, II 246 (ср. Gramm. p. 126: лчѣй? forsitан); (так или) антѣк вѣдѣ жити I 150; борѣкл, -ла II 130 (м. б. изъ мадьярскаго), под часъ боротвѣнїа II 130 (= бритья);

по взорѣ вѣрсти I 41, II 20 (= возраста); коробель II 118, корѣжки I 211 (= ворожеи), коль много предразсѣдков, чародѣлнїй, ѿ корожк I 77, вѣщником I 85 (= колдунъ, ср. Spec. p. 157), вѣрчити I 128 (= лѣчить);

в' горѣздѣ своѣмъ забѣла II 83, стѣдѣное в' горѣздѣ исполненіе II 84, самѣю горѣкѣю Смерть горѣзд навпередъ предъ оуѣдѣла II 237; гадка I 136, нагѣтцѣ I 247 (ср. Sp. 166, 173), Ишолъ бы ли... слѣдѣй на гладанкѣ I 9, такѣвѣй живѣтъ кажѣ мало гладаетса I 8, грозеніемъ (ѿ пѣте нечестїваго ѿвратїти) I 269, ѿ слабшаго выгрозїа I 105 (добился посредствомъ угрозъ), ѿкаа бы бѣла милостїнаа сїлою выгрозїна I 205 (= выгрозена), гѣннѣет II 85, гѣнновал II 209 (ср. Sp. 170), тѣло годовѣлоса I 145, изгодовѣати малое вѣлча II 87 (ср. Sp. 157), на гостинѣ I 138, II 71, гостѣщимса II 244 (ср. Sp. 161), голѣзам I 211, со голѣвою II 264, голѣзіе II 287, 292 (ср. Sp. 163), головнѣй грѣхъ II 222, (в недѣлю наѣи вѣлше) головнїства слѣчѣетса II 66, головнїство (и оуѣйство) II 125, исповѣсть своѣ головнїство II 129, огварка I 124, 174, 194, обгварка I 124, обгварѣеме II 218, обгварали I 8, 125, обгварѣюще I 231, ѿгваркѣ II 197, выгварка II 195, 199, выгварѣют II 134, пѣтемъ грѣдовѣтымъ, и колѣчимъ II 35;

Дюг на скоты I 78, (ср. Sp. 165), (не по дѣцѣ) (= не оудѣбно) I 39, дѣже (рано) I 104, II 117, 188, 177, 192.

во жебѣ II 77 (съ мадьярск. ?), слѣдость, в' жѣлчокъ прѣмѣнаетса II 86, жебрѣака I 91, жебрѣство (ср. Sp. 163),

бѣднѣа во закѣтинахъ стѣкающїа I 247, II 214, в' закѣтѣ I 75, II 188, (старѣ жѣна) зашпотилася II 230, загнѣѣет II 101 (= погибаетъ).

ищѣ II 195 и др.

казати II 37, кажѣ I 8, II 17, каскѣ кажет I 173, под клѣ-
пом ока I 85, 166, 218, на корча клѣпкает I 207, во кѣрчи I 207
(= въ кустѣ), козѣ слѣв II 84, крѣхты I 143, 142 (крошки),
он во зѣмной кѣчи голодом млѣет II 160 (ср. во сламлѣны кѣщи
I 41).

лѣкотѣ I 250 (мѣра), лѣм I 39, 99, лѣм мало I 143, (ср.
Spec. p. 154), лѣтти II 69, 141, ты лѣттею II 141, слѣгодн-
тисл II 139 (ср. Spec. p. 155).

мѣснам ѣстѣ II 245, 247, нѣч мѣснаго II 233, (ср. Spec.
159), тѣло глѣдом млѣтти II 253, мѣщѣхн I 251 (= мѣшки).

нмѣеме... надѣю I 41, II 94, 109, 120 (но и надѣждою II 100),
О небѣже II 271, нѣч нѣсть I 312, II 265, нѣч добраго II 155,
233, 196, 225, занѣч держат II 190, 200 (ср. Spec. 170, 174).

обѣгѣ (на нѣги) II 209,

престѣпѣют, шк повѣнь берегѣ I 81,

вѣднам повѣнь II 187, правѣць I 177,

прѣчто II 11, 25, 213 (ср. Spec. 156), пригѣдитсѣ I 8, (= слу-
читсѣ), прѣдцѣ II 67 (ср. Spec. 157 — прѣдвѣ), (дѣшѣ ѣ тѣло
слѣдѣсть) прошѣбает II 240 (ср. Spec. 173), пѣтоно (пѣскѣ) I 131,
(мѣра), попозираймѣ II 267 (ср. Spec. 171),

дорѣз II 144, 211 (ср. Spec. 172), рацки II 244 (ср. Gramm.
p. 120 — more сапсгѣ), рѣнѣтти II 273 и часто, рѣф (мѣра) I 250
(сѣ нѣм. Reif ?),

скѣдѣю тѣ II 271 (= спрашиваю, ср. Spec. 156), скѣдок тер-
пѣтти II 162, сокотѣли (ѡ всѣкѣм скверны) I 154 (= оберегали),
сгнѣлсѣ во вѣдѣ II 135, (вѣлше дѣкѣм) сырѣвѣсти I 24, нѣ сы-
рѣвѣм землѣ II 82, досѣгнѣтти II 102, досѣгает II 262, I 83,
(ср. Spec. 154), тѣрѣзно II 239, оѣм тѣрѣзныи II 246, тѣм
тѣрѣзнѣйше II 234; Бѣг нѣтворѣтсѣ на дѣла челѣвѣческам II 125,
на нѣши слѣвѣсти нѣ творѣмѣсѣ I 132, во злом товѣрѣствѣ II 250,
тай II 194 (= и);

(Лѣгше ѣм) оѣпѣло, (во хладѣ почивати) I 289, оѣтамнѣ
(Прим. авт.: Прѣстѣнародное выраженѣе, оѣтамнѣти, observe,
reflectere se) II 200; (скорше варварн во мѣчѣнѣи нежели мѣчѣмѣн
во терпѣнѣи) оѣхлѣнѣли II 108, оѣшалашѣмѣ I 280 (= помѣстимѣ):
(днѣсь желѣеме), оѣтрѣ ѡвергѣеме II 283, (но ср. заѣтрѣ... заѣтрѣ
I 106);

хѣороты I 38, II 94, хѣвѣрѣх I 37, хѣдѣвѣство I 213, хѣдѣвѣ-

нѣйшій I 245 (ср. Spec. 161: терпѣти гѣдобство!); ходы и броды II 267;

цвѣнет II 96 (= цвѣтѣть, ср. квитнет II 164); (принѣжди есм о сѣкѣ) чѣлти (= заботиться) II 194, чѣдоватиса II 264, 261, I 25 (ср. Spec. 166);

шкоднѣти II 131, I 46 (ср. Spec. 164);

ѡ щѣрости родѣтелской II 206;

шрь I 13, II 326, во шрь II 258 (ср. Spec. 173), вылѣз на ѣгодницѣ II 176.

Однако какъ ни старается авторъ изъ слияннѣ церк.-славянской рѣчи съ карп.-русской создать «среднѣй» типъ языка, чтобы быть всѣмъ понятнымъ, всё же онъ самъ, повидимому, чувствуетъ, что этого не можетъ вполне достигнуть. Поэтому ему приходится иногда объяснять тѣ, или инныя слова. Выше мы видѣли, что, вводя слово оутамимѣ, онъ дѣлаетъ къ нему особое примѣчаніе. Въ другихъ случаяхъ онъ какъ бы переводитъ одно слово другимъ, добавляя то ѣсть: слѣкѣ то ѣсть горѣтѣ II 64, ѡснованіе то ѣсть Фундамент, или ставя второе слово въ скобкахъ: хотѣ (лем, лиш) I 39, не оудобно (не по дѣцѣ) I 39, лжа (брѣханіе) II 172, персѡнѣ, (особѣ,) II 231, во крицѣ (Chalibs) II 179, или просто рядомъ: мѡщѣ повага силныхъ I 35, оустѣ - рѡт II 17, Рахѣнок, счет II 60, корѣнѣ, вѣнец II 122, нагѣго голѣго II 202, натѣры / природѣ II 254—255, вѣрѣ шлябѣли емѣ (присѣгѣли) II 333, хосѣн, ѣ полѣз II 25, намѣрѣме и цѣлимѣ II 98, дѣти, и чѣда II 205, пѣра, и гостины II 211.

Вчитываясь далѣе въ это произведеніе М. Лучкая, мы замѣчаемъ, что онъ ошибался, думая разрѣшить свою задачу созданнѣ литературнаго языка, пользуясь лишь лексическимъ запасомъ церковно-славянской и карпаторусской рѣчи. Мы встрѣчаемъ въ его языкѣ и инныя элементы. Прежде всего не могъ онъ, конечно, уклониться отъ употребленнѣ нѣкоторыхъ латинскихъ словъ, какъ напр. вѣперы I 25, (= vireg), мѣхиною I 25, Сентенціѣ I 32, II 221, персѡнѣ II 231, натѣры II 254, за великѣю полицію (!) почитѣютъ II 188. Въ несравненно большѣй степени находимъ у него слова и выраженнѣ западно-славянскія: чешскія, словацкія, польскія. Покамѣсть, правда, довольно трудно опредѣлить, какимъ путѣмъ вошли эти западно-славянскія слова въ рѣчь М. Лучкая: были ли они заимствованы уже народной карпаторусской рѣчью изъ сосѣднихъ (восточно-)

словацкихъ, или польскихъ, говоровъ, или, не находя соответствующихъ церковнославянскихъ или карпаторусскихъ словъ, онъ самъ искалъ подходящихъ выражений въ западно-славянскихъ языкахъ. Нѣкоторыя фразы звучатъ у него поэтому совсѣмъ по словацки, напр.: *вѣдн дръгаго оклѣмал, шкѣдѣ оубѣнл*; *Ѣкорше мѣтѣз чрез оухѣ иглѣно промкнетѣ* II 160; *анѣ влѣс...* *спѣднѣти* II 118, *ани немѣгол* II 234, *кто годен исчислѣти* II 155, и т. п. Перечислю нѣкоторыя замѣченныя мною зап.-славянскія слова. Прежде всего *словацкія и чешскія*: *анѣ* II 118, 190, 234, 237 (*ani*);

— *бѣтки* II 102 (*bitka*), *блѣзѣнство* I 154 (*blázen*), *при громѣ* и *блѣскѣнѣн* I 268 (*blýskání*), *брѣткѣм слова* II 139, *брѣтше* I 223, *при нѣй бритшнхъ бѣсѣд* II 190 (*bridký*); *бѣдлѣта* (II 244 *bydla*, м. б. съ польск. — *bydłę*);

— *ваг легшій* II 250, *на ваг положили* II 207, (*váha*), *вѣжиш* II 278, *повѣживше* II 186, (*vážit*); *верхность* II 295, 296, -ти I 86, II 218 (*vrchnost*), *из снхъ взор* I 176, *по взорѣ* II 178, 243 (*vzor*), *гдѣ очи вержеме* I 152 (*vrhnouti*), *властнѣю рѣкѣ* I 25, (*vlastný*), *повѣли* II 172 (по *vôli*), *выгварка* II 195, 199, *выгварѣют* II 134 (*vuhvarka, vuhvarac*), *вылѣз на ѣгодницѣ* II 176 (*vylezti*), *вынайти* I 63, 69 (*vynajti*); *высмѣвають* II 223 (*vysmievat*), *выстѣпилѣ* II 192 (=отдѣлился, — *vystoupiti*), *вѣтор* I 77, II 151, 305 (*vietor*);

— *газда, газдынѣ* I 140 (*gazda, -duňa*, м. б. съ мадьярск.) *ганьба* II 127, 192, -бѣ I 106 (*hanba*), *годен* II 155, *не годни естѣ* II 142 (*hoden*), *тѣло годовѣло* I 145, *изговѣвати* II 87 (*hodovac*), *раны гонти* II 13 (*hojiti*), *остѣтнѣ годѣна* II 150, *по годинѣ* I 88, 90, (*hodina*), *злѣтѣю годѣнкѣ вытѣгнѣл* II 207, (*hodzinka*), *из горѣ долю падати* I 17 (*shora dolů*);

— *да чтѣ* I 3, *дѣколи* I 8, 153, *дажкѣн* I 8, *дакторын* I 131 (*dač(o), dajaký, daktorý*), *дармо* I 125, *дѣремно* II 156, *дѣремное* и *дарѣмное* II 248, -ныхъ I 34, 37 (*darimo, daremně*); *ко дѣскам* I 211, *четыри дѣски* II 253, *4 дѣски* II 331 (*deska, daska*). *достѣпѣти* I 76, 89, *достѣпѣти* II 7, 222 (*dostup*), *ѿ дѣтинства* II 244, *дѣтинства* II 181 (*detinstvo*);

— *еднѣкѣй* II 36, -кѣю I 16, II 305, *еднѣко* II 242, 305, (*jednaký*);

— *жаднаго имѣнѣ* I 107 (*žádný*), *слѣзы жалѣбнѣ* II 36 (*žalobný*), *жалѣвати* II 9, 135, 169, (= сожалѣть), *ж. за грѣхн*

II 134, 273, сам ѿ себе жалѣет I 251 (žalovat'), Живѣн I 16 (živan), живѣнѣа II 25, на пожнвленіе II 247, (živiti, poživání), жмѣнѣ I 327 (žmeň=hrst');

— на смерть забѣа II 222 (zabit'), зажити I 121, 130, II 58, заживѣа бы сладость II 124, (zažiti); еднѣкъ заплатѣ I 16 (záplata); заснѣает II 255, незаснѣаа II 239, заснѣаа II 239, (zaslat', zasílati); замѣжнѣй II 49, едѣн ѿ замѣжнѣх II 176 (zámožný); застѣдѣа боаа II 175 (zastuditi); звѣчай II 280, -чаем I 179, до звѣчаю II 26, звѣчайна рѣчь I 88, (zvučaj); знаѣмнѣ II 71, мѣй знаѣмнѣк II 68, (znajomný — vsl.), ознѣйтнѣа II 81 (oznamiti?);

— имено нѣше II 232 (jmeno), нѣч ише II 273 (inší); всемѣ свѣтѣ давнѣ искѣсно II 51 (zkusný); изпорѣет II 222 (zporajet'), испѣстѣтнѣа II 242, на нѣх... нѣ испѣстнѣмѣа II 273, себе испѣстити II 291, Кто бы на тогѣ не испѣстѣаа II 295 (spustiť sa na koňo); в' тѣ истѣ минѣтѣ I 42, в том истѣ II 226, истѣк знаа I 40, II 75 (ten istý, iste).

— что бы кѣм боше II 55 (kam čo, kam dial'); квѣт II 6, 37, -ты I 13, квѣтамн II 292, во квѣт приводит II 96, во стѣзю квѣтѣвѣю II 35, квнѣет II 164, (kvet, kvitnúť); кеда I 16 (ked'); клѣматн I 39, себе клѣмлетѣ. Но Бѣга оуклѣматн нѣ годнѣ естѣ II 142, оклѣмаа I 39, 143, 155, оуклѣмаа II 14, 155, оуклѣмствѣ II 235, оклѣмствѣ II 257 (klamati, oklamati); когѣт II 190 (kohút), при колѣцѣ II 82, 207, (kolíska); на дрѣвном кѣнарн II 88, (kopár), корѣнѣтаго дѣба II 151, (kořenatý); корѣнѣ II 122, (koruna); кохѣаа I 143, тѣло кохѣетѣа II 245 (kochať sa — съ польск.?), во всей краѣнѣ II 176, (kraĭina), крѣхкѣстн II 218, (křehkost); крочай II 153, (kročaj), кѣртѣй II 61, кѣртѣе врѣмѣ II 154, на кѣрто II 132, кѣртѣорѣзмѣа II 125, (kurta, kurtak, kurtavý — съ мадѣарск.?).

— в Ладѣ II 77, (láda=malá truhla); лѣска Бѣжаа I 304. -кѣ I 100, 136, кто мѣжет лѣскѣтнѣа I 329 (laska, láskat' sa); лѣдѣа I 84, 132, II 138 и др., лѣдѣа I 327 (ledva); полѣкшѣнѣа II 329 (poľahčenie); из лица на рѣбѣ перевертѣет II 246 (lic); лѣк II 77 (lék); малѣрь, вымалѣвати II 213, (maliar, vymalovať); во манженствѣ II 257, (manželství); к мѣрнѣмѣ семѣ свѣтѣ I 102, на мѣрнѣй вѣщн II 28, о мѣрнѣстн I 108, (márny, marnost); мерзнтѣа ѿ него II 223, 247 (mrzeť sa); пѣдѣа мершо II 19 (mrška, mrší); млѣдѣнец II 230 (=молодой челѣвѣкѣ, mladenec); млѣка II 36, -кѣ II 168, -цѣ II 36 (mláka); мѣтѣа I 253, II 245 (мо-

touz); мѣри II 45 (mír), мѣдрцами I 77 (mudrc); звѣрѣ прѣмы-
гѣеме II 149, (premôct'), спомыгѣет II 179 (spromôct'); что бѣ
несмыгалса II 182, смѣгаются II 222, смыгалса II 244, не смѣ-
гѣешиса II 272, смыгаются II 273, смогалса I 4 (zmôct' sa,
zmáhat' sa).

— навратити II 34, на пѣть навѣрнѣти II 46, навѣртал II 287
(navratiti); набоженство I 33, 46, 115, 208, II 188, 257, 95 (ná-
boženstvo); наглою смертію I 181 (náhlá smrt); награждает шкодѣ
I 85, 252 (nahrádzat'); намѣряеме II 98 (naměřiti); напѣи II 251
(nápoj); ноги напрощает II 186 (naprostit'); наремный I 96, на-
ремно II 163 (náramný); нарѣком II 193 (nárokom); напоминает нх
II 171, и -ют нас II 197 (napominati); начо I 318 (na čo);

— обгладнемеса II 255 (obhliadat'); обзиратса II 188 (ob-
zerat' sa); не обладнѣтса II 148 (obladnúť); не оборѣющемьса
II 150 (obořiti se); образни I 158, образеш II 154, образѣю-
щаго нас II 224, образенный II 223, взѣмное образѣнїе II 27, 223,
231 (obraziti, obrazenie); овоц I 193 (ovoc); околничность I 29,
II 128, 129 (okoličnosť); Іс Хрѣтовѣ ѡсѡбѣ II 264 (osoba); остѣтнѣ
годїна II 150 (ostatní); на погнѣель ѡзѣжют I 295 (odvážiti);
ѡкспленїе I 3, род члѣкїй... ѡкспити I 5 (odkup, -pný).

— палѣнкѣ II 138 (pálenka); пановати II 219, панѣет II 233
(panovat'); пѣкло I 251, 275, при дверех пѣкѣльных II 229 (peklo);
пило II 58, так пилют II 129, пиловали II 115, 154, 211,
пилюеш до огня II 127 (pilno, pilovat'); напинѣемеса II 218 (na-
pínati); Ст. Писмѡ I 310, во Стѡм пѣсмѣ II 195 (St. pismo);
плекати II 87 (plekat' = parájeti); плѡтом оградѣвше I 254, плоти
II 45 (plot); побожный I 22, 314, -ное II 273, побѡжно II 249,
272 (pobožný); повага I 35 (povaĥa); повинность не скончиме
I 34, 139, повиностїю обвѣзани ѣсме I 145, повинности свѡей доста
не робити II 257 (povinnost); пожадѣет I 142, II 7, 15, 267,
п-тса I 64, нич непожадани I 8, по нашѣмѣ пожадѣнїю II 215
(požadati); что бѣ кам бѡльше сладѣей пожїли II 55 (požiti); дайте
пѡзор I 108, 123, 255, II 253, 129, терпит из чистаго пѡзорѣ
II 234, пѡзоретвовати II 256, 260, 278 (rozor); полѣпшати I 150,
-тиса II 273, полѣпшанїи I 88, II 243 (polepšiti, polepšenie);
помалу II 147 (pomalu); на послѣд I 88, -дѣ II 324 (naposled);
от послѡл II 109 (pospolu); потѣпленїѣ II 145, -нїе II 243 (potupa,
-piti); похѡпити I 17, II 12, похѡпиш II 58, непохѡпимое I 22
(pochopiti); ѡ почѣтка свѣта до тепѣрь I 61, II 188 (počátek);

почестовали II 194 (počestovať); пре дїавола и Яг҃лы его I 197 (pre); предтѣм II 158, 237 (predtým); препшцают II 164, (pre-púšťat); ежедневно прїимающїи I 184, прїимаеме I 185 (т. е. Св. Тайны) (přijímati); приклад I 157, наприклад II 15 (příklad); прислает II 125 (prisilit'); прилежитость I 160, II 98 (příležitost); непритомномъ I 46, не притомнаго II 218, притомни I 171 (přítomný); про человека I 41, 61, II 212, про нашъ тѣготѣ II 255, Ктò живёт про добраа дѣла II 298, прѣто I 6, II 9, прѣч II 263 (= почему), прѣчто и зѣчто II 213 (pro, proto, proč); проваднн живѣт I 7, II 205, 249 (provadzic — vsl.); проказал I 18, 36, -зати II 180 (proukázati); гладный птак I 167, II 129 (ptak — vsl.); во пстатїнах II 244 (pustatina); во очн пхаетса II 122 (pchat'); пысок I 251 (pysk); ничтò пыхн I 147, II 62, пышатса II 66, пишннса II 188 (pýcha, pýšit' sa); пѣнази I 252, попѣнашкѣ II 169 (peniaz, peniažky);

— рад слыхает, рад слышит II 5, 280 (rád slyší) · нараз II 301 (naraz); разгрѣшенїе II 212, -шеннн II 230 (rozhřešení); разлѣка I 46 (= различїе, rozluka, vsl. = rozdiel); рано I 40 (= утро—рано); рѣднчек II 206 (rodič); сам распшкаетса II 229 (rozpukati se); на рѣбы перевертает II 246 (na ruby); в' дѣйствиѣ рѣшннн I 45, чѣжее не рѣшает I 234, все живѣтнѣе порѣшает II 261 (rušiti).

— самѣтнѣсть II 23, 24 (samotnosť); сваднннса II 195, сважаетса II 46, свадѣ II 178, 179 (sváda, svadiť, svádzat' sa), свѣтки поставлѣютса I 4 (svedok); свѣтѣчнннн днѣннн II 262 (sviatočný); скарѣ II 288, скаржнннса I 212, II 237, 266, -жнннса I 73 (skarha, skaržic se, — съ польск.?). скѣро вїдннн II 291, скѣрше II 324, нескѣрше II 304 (skoro, skoršie); скѣбет II 229 (skúbat'); слых II 287 (slych); смѣток I 2, 8, II 30, 254, засмѣщѣют II 207, засмѣтнннса I 2, II 159 (zmutok, zasmutiti se); снѣвѣ II 137 (znovu); спаднннн II 118 (spadnúť); спѣрѣвѣ II 135 (zprvu); спѣчннн II 15 (spročívati); спѣкѣеме I 2 (spievať); статѣчнѣнаго II 191 (statočný); малѣй стѣворѣ II 157, во нннх стѣворах II 183 (stvorá); стравѣ II 247, 248, 249, -вы I 142 (strava); стѣднн I 211 (studňa); стѣкѣющнн I 247, стѣкѣт II 85 (stukat' vsl. = stenati); да бы посѣгннн II 270, небѣкѣгѣют II 154 (obsahati).

— затѣемно II 196, потѣемнаго II 167, в' потѣемнннн II 248 (potajemný); терпѣзлнво I 26, 39, 256, терпѣлнво сноснн... терпѣзлнво снѣс II 238, терпѣзлнво снѣшет II 283, Терпѣзлнвѣсть II 238

(trpezlivost'); со дѣвнымъ товаришемъ II 192 (tovariš); тѣчитъ II 160 (tučit'); цѣлыйъ тыждень II 16, 194 (tyždeň); предметъ до него же тычется II 279, до дѣши дотыкается II 262, дотыканіемъ II 152, тѣла въ сѣтомѣ притыкаймеса II 40 (týkat' sa, pritykat'); тагнѣти II 218, вытѣгна II 181, 207, смѣтокъ затѣгаеме II 254, натагнѣли I 31, ѡтѣгати II 249, ѡтѣгатица II 252, не ѡтѣгнетса II 249 (tahat', zatahnouti, odtahnouti).

— оувѣднетъ II 85 (vädnuť); оуживати I 21, оуживайме II 37, -ваеме II 152 (užívati); оукрѣвдѣетъ II 169 (ukrívdiť); наоунывала бы емѣ I 93, наоновоало I 333, на оунывалаца II 208 (upovat', upúvat' sa); оусіловнынъ I 314, оусілаземеса I 121 (usilovný, usilovat' sa); во оускотѣ I 230, во оускости I 91 (úzkost'); ѡ недостатка оустрахаемеса II 160, дѣша... оустрахаецса II 169 (ustráchaný); оутрачѣетъ II 18, 36, -чѣеме I 101, -чали I 18 (utracať, ср. и затраченна I 79); оучинки II 178, -ковъ II 179 (účinek).

— фѣрбѣ I 75, II 129 (farba, съ нѣм.).

— такъ пилѣютъ и хватѣютса II 129 (chvátať); хнбы наша I 45, II 280, нехнбѣтъ II 190, да бы нич нехнбѣло I 142 (chyba, -bit'); со хмаръ II 218, -ры II 220, грѣма хмарнаго II 308 (chmara); захѣдѣтса II 242 (zachodit' sa), коль хѣднѣйшими II 242 (chudnúť).

— цѣлкомъ I 5, 222, II 207, цѣлкомъ ничъ II 115 (celkom); цѣнѣ I 120 (= награду — сена).

— во единъ часъ I 2, многійъ часъ I 1—2, разнымъ часомъ I 17, часъ способный I 29, доста имѣеме часа II 152, За вчасѣ II 55, 59, дочѣсѣ II 172, дочѣстиныйъ II 160, подъ часъ II 130, 238 (čas, zavčasu, dočasný, ročas); чекѣти II 145, 164, очековѣти II 247 (čekati, očekávati); кто годенъ исчислити II 155 (sčisliti), чѣетъ II 168, дочѣвшеса II 159 (čut').

— шнбень II 18, 165 (šibeň); Келѣкаа шкода II 243, -дѣ I 26, 145 (škoda).

— щѣрбѣ зажити I 130, что бы дѣшѣ не ощербити I 135 (šterba).

— ѣдла II 209, -лами II 242, (jedlo).

— язычница II 194, (jazyčnica).

Польское вліяніе можно отмѣтить въ заимствованіи слѣдующихъ словъ: ал'бо I 8, 136, II 188 и др. — albo; бѣднѣти ставлати I 40, градъ ѣ замки бѣдѣютъ II 17, бѣдовѣл I 145 — budynek, zbudować; жартѣетъ I 173, — żartować; Мѣодію за-

конникъ II 213, — zakonnik; задрость I 84, — zazdrość, стѣп
 обалит ю II 153, оубаллет II 151 — obalić; плохѣи кони II 209,
 — pŁochy; пѣрши I 94, 211, — pierwszy; рлхѣнок I 45, — ra-
 chunek; со вѣшними рѣчами играется I 33, звычайна рѣчь I 88,
 II 145, принадлежит к' рѣчи I 44 — rzecz (= sprawa, uczynek)
 k- rzeczy; свѣто II 16 (= праздникъ) — święto; слонце II 102,
 261, 302, -ца II 174; -цѣ I 325, под слонцем II 35, 111 —
 słońce; смрода II 36, 215, смродный I 281 — smród, smrodny;
 мѣглись сподѣкати II 123, несподѣванно I 7, II 128 — spodziewać
 się; трѣнѣ — I 107, 337 — trupa; притакѣют II 192 — tak; цноткѣ
 I 90, cnota; вѣрѣ шлюбили емѣ I 333, ślubić.

Займствованнымъ словамъ М. Лучкай старается иногда
 придать русскій видъ, обрусить ихъ: такъ чѣжоложнаго I 176,
 чѣжоложство II 85, явились изъ польскихъ: cudzołozny, cudzo-
 łozstwo, посредствомъ замѣны *s* и *dz* на *ч* и *ж*; займствуя изъ
 словацкаго дочастный II 160 (= dočasny), онъ иногда пере-
 дѣлываетъ въ довременный I 267; выраженіе до тепѣрь I 61,
 конечно, только неудачная передѣлка словацкаго do teraz.
 Повидимому, такъ надо понимать и странное образование:
 стократораз I 215, гдѣ, очевидно, чужое krat онъ хотѣлъ за-
 мѣнить своимъ раз, но по недосмотру оставилъ и то, и другое.

Сдѣланный здѣсь обзоръ особенностей языка «Бесѣдъ»,
 мнѣ думается, достаточно ясно указываетъ, насколько труд-
 ной оказалась для М. Лучкай поставленная имъ себѣ задача.
 Разумѣется, эта нестройная мѣшанина разноязычныхъ зву-
 ковъ, формъ, словъ и оборотовъ никакъ не можетъ быть на-
 звана «краснымъ народнымъ языкомъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ не
 могла она отвѣчать и желанію автора создать новый литера-
 турный языкъ, который бы могъ выражать и „высокіа поетіа
 Бѣры и морала“, и въ то же время „лѣгко поразмѣвалса“ бы.
 Если тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самихъ Карпаторуссовъ,
 эта книга имѣла большое значеніе въ исторіи культурнаго раз-
 витія карпаторусскаго народа, то причину этого слѣдуетъ видѣть
 скорѣе въ моральной высотѣ ея содержанія при общей книжной
 бѣдности, нежели въ понятности языка и красотѣ слога.

Чрезвычайно удивительнымъ для насъ является то обсто-
 ятельство, что М. Лучкай, старавшійся въ своей Грамматикѣ
 такъ опредѣленно разграничить явленія языковъ церковно-
 славянскаго и карпаторусскаго, высказывавшій такіа правиль-

ныя, здравыя мысли о необходимости единого литературнаго языка для всѣхъ Славянъ, и считавшій таковымъ именно церковно-славянскій (въ его весьма обрусѣвшей формѣ), — отступилъ на практикѣ отъ своей теоріи и взялъ на себя непосильный трудъ созданія особаго литературнаго языка для Карпаторуссовъ, столь маленькой частички великаго русскаго племени. И это ещё тѣмъ удивительнѣе, что въ его время русскій литературный языкъ достигъ уже высокой степени развитія подъ перомъ цѣлаго ряда духовныхъ дѣятелей-проповѣдниковъ, богослововъ и такихъ писателей свѣтскихъ, какъ Карамзинъ, Жуковскій и, наконецъ, Пушкинъ. Надо, правда, признать, что М. Лучкаю нелегко было познакомиться съ этой литературой. Съ одной стороны, его воспитаніе въ униатской и католической школѣ не могло дать ему знанія русской духовной литературы, съ другой стороны, при трудности полученія книгъ изъ Россіи, и свѣтская литература была для него по большей части недоступной; онъ самъ свидѣтельствуешь объ этомъ, говоря, что не можетъ сослаться на опредѣлённую страницу Исторіи Карамзина, такъ какъ не имѣетъ ея подъ руками⁶⁶).

Во всякомъ случаѣ эту попытку М. Лучкаю слѣдуетъ считать неудавшейся. Это признали и послѣдующіе карпаторусскіе писатели, какъ А. В. Духновичъ, І. Раковскій, Сильвай, Е. Фенцикъ и др., которые не пошли по его слѣдамъ, но по мѣрѣ силъ старались въ своихъ произведеніяхъ пользоваться русскимъ литературнымъ языкомъ. Призналъ это, очевидно, и самъ М. Лучкаю, такъ какъ больше на этомъ языкѣ ничего не писалъ, и позднѣйшіе свои труды писалъ на латинскомъ языкѣ.

Послѣ изданія двухъ разсмотрѣнныхъ нами произведеній: «Грамматики» и «Бесѣдъ», М. Лучкаю посвящаетъ себя труду историка: онъ углубляется въ изученіе исторіи карпато-русской Церкви⁶⁷), а затѣмъ и вообще историческихъ судебъ русскаго племени подъ Карпатами. Въ теченіе всей остальной жизни онъ внимательно изучаетъ всю относящуюся къ этимъ вопросамъ научную литературу, собираетъ и изслѣдуетъ всевозможные историческіе матеріалы и источники, которые

⁶⁶) „... paginam citare nequeo, nam nec hoc (Tomum I-m Historiae Russicae), nec alia opera hic prae manibus habeo“. (Gramm. Slavo-ruthena p. XIII).

⁶⁷) „Historia Dioecesis Munkacsiensis“ (см. Tichý, стр. 220).

могли бы освѣтить тѣ или другіе отдѣлы карпаторусской исторіи. Строго научный характеръ этой работы и желаніе предложить ея результаты учёному міру заставили его вновь вернуться въ этихъ своихъ трудахъ къ латинскому языку. Къ сожалѣнію эти труды ему не удалось издать и они до сихъ поръ остаются въ рукописи и потому недоступны, или малодоступны даже лицамъ, интересующимся этими вопросами.

Незначительные отрывки изъ его исторіи карпаторусской Церкви были опубликованы въ русскомъ переводѣ извѣстнымъ карпаторусскимъ дѣятелемъ, Іо. Раковскимъ въ его «Церковной газетѣ» за 1857 годъ⁶⁸). Это именно краткія біографическія свѣдѣнія о епископахъ Мукачевскихъ: Андреѣ Бачинскомъ (стр. 232, 237—239), Григоріи Тарковичѣ (стр. 359), Алексіи Повчійи (стр. 397), и о канонникѣ Іоаннѣ Кутка (стр. 342—343), свѣдѣнія, какъ постоянно отмѣчаетъ самъ издатель, ввѣтыя изъ латинской рукописи Михаила Лучкая. Гдѣ находится однако въ настоящее время эта рукопись исторіи карпаторусской Церкви — неизвѣстно.

Что касается его Карпаторусской исторіи⁶⁹), то ея рукопись въ видѣ пяти фоліантовъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, хранится въ библіотекѣ дворца греко-уніатскаго епископа въ Ужгородѣ. По словамъ недавно скончавшагося о. архидіакона Е. И. Сабова⁷⁰), матеріалами, находящимися въ этой рукописи, воспользовался Дулишковичъ въ своей книгѣ: «Историческія черты карпаторусскихъ». Подобно многимъ инымъ произведеніямъ, оставшимся въ рукописи, и этотъ трудъ М. Лучкая ждётъ ещё внимательнаго изученія и изслѣдованія, а, можетъ быть, и изданія.

Итакъ, можно сказать, вся литературная и научная дѣятельность М. Лучкая была посвящена родному, карпаторусскому народу. Его онъ поучаетъ, наставляетъ въ истинахъ христіанской религіи, въ немъ хочетъ онъ насадить, развить литературную дѣятельность, составляя нормы общаго для всѣхъ Славянъ литературнаго языка, его многовѣковую исторію онъ изучаетъ, изслѣдуетъ, съ этимъ забытымъ народомъ

⁶⁸) Церковная Газета, изд. Обществомъ св. Стефана. Редакторъ Іоаннъ Раковскій.

⁶⁹) *Historia Carpatho-Ruthenorum*.

⁷⁰) Вышеуказанная «Христоматія», стр. 194.

желаетъ онъ познакомить учёный міръ. При широкой эрудиціи и несомнѣнныхъ разностороннихъ дарованіяхъ М. Лучкая, его труды, его дѣятельность должны бы были быть очень извѣстны, привлекать вниманіе и въ самой Подкарпатской Руси и внѣ ея. И однако его вообще мало знаютъ, имъ очень мало занимаются даже въ учёныхъ кругахъ. Главной причиной такого невниманія къ нему является, по всей вѣроятности, его неудачный выборъ языка: для своихъ учёныхъ трудовъ избралъ онъ латинскій языкъ, и именно въ ту эпоху, когда этотъ языкъ уже потерялъ своё международное значеніе, когда уже приходилось сказать: *latina non leguntur!* (Очень возможно, что именно поэтому не удалось ему издать и свою фундаментальную *Historiam Carpatho-Ruthenorum*). Для своей проповѣднической дѣятельности избрѣлъ онъ такой языкъ, который по своей искусственности, тяжести являлся анахронизмомъ при самомъ своёмъ возникновеніи и потому не могъ найти себѣ послѣдователей въ болѣе культурныхъ слояхъ карпаторусскаго народа.

Несмотря однако на эти неблагоприятныя обстоятельства, дѣятельность М. Лучкая для его родного народа не прошла безслѣдно. Духъ, мысли, содержаніе его «Бесѣдъ», какъ упомянуто выше, нашли себѣ отзвукъ въ широкихъ народныхъ массахъ и оказали на нихъ своё благотворное вліяніе. Его характеристика карпаторусскаго говора сохраняетъ и до сихъ поръ своё значеніе, и даже погребѣнная въ латинской рукописи *Historia Carpatho-Ruthenorum* проговорила его народу и о его народѣ понятнымъ русскимъ языкомъ въ трудѣ Дулишковича.

Упорный, безкорыстный трудъ, стремленіе принести возможно большую пользу своему народу, развернуть передъ нимъ его прошлое, дать толчокъ культурной дѣятельности, — всё это вызываетъ глубокое уваженіе къ личности М. Лучкая, ставить его въ одинъ рядъ съ самыми выдающимися карпаторусскими дѣятелями — А. В. Духновичемъ, А. И. Добрянскимъ, Ю. И. Венелинымъ (Гуцой). Съ послѣднимъ въ особенности сходна дѣятельность М. Лучкая по той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Какъ Венелинъ «напомнилъ міру о забытомъ, но нѣкогда славномъ имени Болгарь», такъ и М. Лучкай стремился, чтобы его народ, его Карпато-русская страна не были для культурнаго міра — *terra incognita*⁷¹⁾.

⁷¹⁾ См. Gramm. p. IX.

II. Болгаризмы въ карпаторусскихъ говорахъ.

Невелико пространство, занимаемое Подкарпатской Русью, невелико и количество лицъ, говорящихъ карпаторусскими говорами (около $\frac{1}{2}$ милліона), но довольно велико зато число этихъ говоровъ и между собой они представляютъ значительныя различія. Это давно уже отмѣтилъ извѣстный знатокъ этихъ говоровъ, г. Иванъ Верхратскій¹⁾, это подтверждаетъ и новѣйшій трудъ г. Геровскаго²⁾.

Отличія говоровъ проявляются какъ въ измѣненіяхъ звуковъ (особ. о и е въ закрытыхъ слогахъ), и въ удареніи (постоянномъ или подвижномъ, свободномъ), такъ и въ формахъ и въ лексикѣ. Возникновеніе этихъ отличій объясняется частью разновременнымъ поселеніемъ отдѣльныхъ группъ русскаго населенія въ области Подкарпатской Руси, частью же самымъ положеніемъ карпаторусской языковой области между другими славянскими и неславянскими языками, носители которыхъ являлись притомъ, большею частью, болѣе сильными, чѣмъ Карпаторуссы, въ культурномъ, экономическомъ, или политическомъ отношеніяхъ. Такъ, напр. во всѣхъ карпаторусскихъ говорахъ въ той или иной степени замѣчается венгерское (мадьярское) вліяніе. Сѣверо-западные говоры представляютъ сверхъ того ясныя слѣды вліянія сосѣднихъ словацкихъ говоровъ, а черезъ ихъ посредство и говоровъ польскихъ, (употребленіе неполногласныхъ формъ наряду съ полногласными, постоянное мѣсто ударенія — на 2-мъ слогѣ съ конца, и наконецъ давно уже отмѣченныя обширныя лексическія заим-

¹⁾ Иванъ Верхратскій. Знадоби для пізнаня угорско-рускихъ говорів. (Записки Наукового Товариства ім. Шевченка т. т. XXVII-XXX, XL, XLIV, XLV), 1 ч. стр. 1.: «Що до одмін говорів єсть на Русі угорській така ріжнородність, як в жадній другій часті країни васеленої українсько-рускимъ народомъ».

²⁾ Československá vlastivěda. Díl III. Jazyk. 1934, стр. 480.

ствованія). По мѣрѣ движенія на востокъ словацкое вліяніе постепенно ослабѣваетъ и въ говорахъ юго-восточныхъ сказывается уже довольно слабо. Въ послѣднихъ говорахъ мы зато можемъ замѣтить при весьма сильномъ мадьярскомъ вліяніи, (доходящемъ до заимствованія словообразовательныхъ суффиксовъ: *косаш*, *вербу́нкош*, и т. п.), ещё и нѣкоторыя заимствованія изъ румынскаго языка. Кромѣ того этимъ юго-восточнымъ говорамъ свойственны, въ отличіе отъ говоровъ сѣверо-западныхъ, нѣкоторыя особыя явленія, на которыхъ я и хочу здѣсь остановиться. Они большею частью уже отмѣчены и въ вышеуказанномъ обширномъ трудѣ И. Верхратскаго. Вообще эти говоры являются очень архаичными, какъ въ отношеніи произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ (сохраненіе *ы*, мягкость согласныхъ *р*, *ж*, *ш*, твёрдость *к*, *г*, *х* передъ старымъ *ы* и т. п.), и мѣста ударенія, такъ и сохраненія формъ, особ. склоненія. Но при образованіи сравнительной степени прилагательное остаётся б. ч. неизмѣняемымъ, а оттѣнокъ сравнительности выражается лишь прибавленіемъ передъ прилагательнымъ частицы *май* (изъ **нау*)³⁾: *май слабый*, *май лю́тый*, *май вы́сокий*, *май нѣзъкий*, *май дурный*, *май дорогой* и т. п. Любопытно, что частица *май* употребляется (и тоже со сравнительнымъ значеніемъ) при существительныхъ: *роковина та́кож як май ві́ко*⁴⁾, и при глаголахъ: *тебе́-м май любі́ла*⁵⁾, *бринда́к дуба май любіть*⁶⁾. Такое же значеніе сравнительности придаётъ (у прилагательныхъ) и частица *по*, причёмъ на эту частицу переносится и удареніе: *по́короткий*, *по́широкий*, *по́гнилый*, *по́тоўстый*, *по́довгий*, *по́теплый*⁷⁾.

Другое характерное явленіе этихъ говоровъ, это употребленіе формы дательнаго пад. личнаго мѣстоименія въ значеніи притяжательномъ: *говоріть жона́ ми* (= моя жена), *я і сын ми* (мой сынъ), *ци до́ма ти га́зда* (твой г.), *пушоў з вітцём собі* (со своимъ отцомъ), *ка́же стрый му* (его стрый)⁸⁾, *даў вітцю собі*, *говоріў собі брату*, *ту ти в брат* (твой братъ), *жона́ му ся*

3) Верхратский, указ. соч., ч. I, стр. 3 и 56-57.

4) Верхр., ук. соч. I, стр. 255.

5) Тамъ же, стр. 97.

6) Тамъ же, стр. 234.

7) Тамъ же, стр. 53.

8) Тамъ же, стр. 3.

схóпила (его жена), ухóпить йому́ письмó (его письмо)⁹⁾. Подобнымъ же образомъ и отъ существительныхъ употребляется иногда дательный падежъ вмѣсто родительнаго принадлежности: царь пóтятóm (= царь птицъ), головá християнóm (глава християнъ), не зна́у лю́домъ обыча́и (обычаевъ людей, или людскихъ обычаевъ), грóбъ пропáсникови (= пропасника), и т. п.¹⁰⁾.

Въ области мѣстоименій ещё обращаетъ на себя вниманіе употребленіе мѣстоименія *що*, вмѣсто котрѣй (который), причёмъ это *що* не склоняется, но къ нему можетъ присоединяться падежная форма мѣстоименія *и*, *я*, *е*: *ростѣ верба́ над водóю, що я йі саді́ла, не в то́го тай не буде, що я го люби́ла; заручи́у дывчи́ну молодой леги́ницъ, што йому́ на рúчцы́ срѣ́бренный персти́ницъ; в Унгва́рі тот шу́тай, што я го люби́ла*¹¹⁾.

Наконецъ отмѣтимъ ещё и свойство предлога *съ* (или *з*, какъ онъ б. ч. звучитъ въ карпаторусскихъ говорахъ) къ удвоенію въ *зоз*, *зос*¹²⁾: *зоз дру́гима газдо́ма, зос тѣма двѣ́рями*.

Наблюдая эти явленія юго-восточныхъ карп.-русскихъ говоровъ, мы должны обратить вниманіе на то, что они не находятъ себѣ соотвѣтствія ни въ другихъ русскихъ говорахъ, ни въ сосѣднихъ словацкихъ, но зато мы найдёмъ подобныя, или даже тождественныя явленія въ говорахъ болгарскаго языка. Именно, въ болгарскомъ языкѣ мы встрѣтимъ образованіе степеней сравненія посредствомъ частицъ *по-* и *най-*, причёмъ форма самого прилагательнаго не измѣняется, и удареніе переносится на частицу: *пóдобър*, *на́йдобър*, *пóвисок*, *на́йвисок* и т. п.; частицы эти могутъ притомъ присоединяться и къ другимъ частямъ рѣчи, для приданія имъ оттѣнка сравнительности: *и́да пóкъмъ стѣ́ната, пóобичам* и т. п.

Употребленіе дательнаго падежа для обозначенія принадлежности замѣчается уже въ древнѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ и сохраняется до настоящаго времени въ видѣ замѣны притяжательныхъ мѣстоименій посредствомъ энклитической формы дательнаго п. личныхъ мѣстоименій: *дльдо ми*, *синитъ му очи*, *дойде съ сина си* и т. п.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 109-110.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 110.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 104.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 123.

Находимъ мы въ говорахъ болгарскаго языка и замѣну мѣстоименія *кой* (= который) посредствомъ несклоняемаго слова *що*, какъ самого по себѣ, такъ и въ соединеніи съ соотвѣтствующими падежами формами мѣстоименія *и*, *та*, *те*: *онзи що бльше съ васъ; уще ли е тоа моме при майка, що го питафъ лани есенъ за брата?* (Миладинови, стр. 635), *отпуци ми брата, ти що го любишь до деветъ години* (Миладин. 7), *кученци отъ-рваж онова овне що бльше го грабнжлъ вълкъ* (Раковски, Показалець, стр. 139) и т. п.

Характерную наконецъ особенность болгарскаго языка представляетъ удвоеніе предлоговъ *съсъ*, *въвъ*: *Света Марія съсъ Христа Бога на ржць* и т. п.

И лексика юго-вост. карпаторусскихъ говоровъ представляетъ немало совпаденій съ болгарской. Въ словарь, приложенномъ И. Верхратскимъ къ своему труду, наше вниманіе останавливается на слѣдующихъ словахъ.

1) бѣлта (май малѣ сокѣра) стр. 202, ср. болг. балтѣя, балтѣкъ (брадва, сѣкира, топор¹³), 2) бѣрдо (скалиста гора, скала, 202) — болг. брьдо (планина, хлѣмъ, баирь¹³),

3) брич (Rasiermesser, бритва 205) — болг. бричь (брьснѣчь, брьснѣчь, ср. и брѣчьж¹³).

4) дѣйка (Amme, 215), — болг. дѣйка (доѣлка, доѣница¹³), пошгѣсе¹⁴).

5) жебъ (Tasche, 217) — болг. джебъ и джобъ (малка торбица, пришита, извжтрѣ на дрѣха¹³),

6) кѣпилецъ (Bastard, 227, ср. кѣпил, скопилѣти, 258) — болг. кѣпиле (enfant trouvé, bâtard¹⁴),

7) мерша (Aas, 235), — болг. мрьша (умрѣло, мрьтво животн¹³),

8) пѣзити (пилувати, стеречи, 243) — болг. пѣзя (вардж, чювамъ, глядамъ¹³),

9) перть (стежка, кудюю гонять вѣвці, узка дорожинка, 245) — болг. прѣтина (пжть, пжтека прѣзь снѣгъ¹³),

10) полонина (ср. На высѣкой полонинѣ снѣжѣкъ ся бѣльѣе, 185) — болг. планина (голѣма длѣгниста высочина, рядъ много высокы връхове, балканъ¹³),

¹³) Найдень Геровъ. Рѣчникъ на българскый языкъ. Пловдивъ 1895.

11) псовати (schelten, 252), — болг. псувамъ (карамы ся нѣкому, хокамъ го, ср. и псовка¹³).

12) сѣрбати (schlürfen, 257), — болг. сѣрбамъ (humer¹⁴),

13) твѣрдо (sehr: твѣрдо добрый дожджъ, 162), — болг. твѣрдѣ (trés, trop, fort),

14) чѣтавыи (gut, brav, achtbar, schätzenswerth, werthvoll, 271), — болг. чѣтавъ (entier, intact, tout, sauf¹⁴).

Нельзя конечно думать, чтобы цѣлый рядъ одинаковыхъ явленій развился въ юго-восточныхъ карпаторусскихъ говорахъ и въ болгарскомъ языкѣ независимо другъ отъ друга; здѣсь несомнѣнно вліяніе одной языковой группы на другую. А такъ какъ, какъ указано, эти явленія въ иныхъ русскихъ говорахъ не повторяются, то слѣдуетъ признать здѣсь вліяніе именно болгарскаго языка на карпаторусскій.

Но такое вліяніе могло возникнуть только при непосредственномъ сосѣдствѣ двухъ языковыхъ группъ; между тѣмъ такого сосѣдства карпаторусскихъ говоровъ съ говорами болгарскими нѣтъ: между ними лежитъ широкая полоса румынскихъ и мадьярскихъ говоровъ. Однако, если теперь нѣтъ, то это ещё не значитъ, что такого сосѣдства не было. Историческія свидѣтельства говорятъ намъ, что до прихода Мадыаръ въ равнины Панноніи, владѣнія болгарскихъ Славянъ простирались до Тисы¹⁵). Такимъ образомъ, въ тѣ отдаленныя времена, Болгаре могли быть сосѣдями карпаторуссовъ. А разсмотрѣнныя нами явленія всѣмъ своимъ характеромъ свидѣтельствуютъ о глубокой давности. Въ то время какъ въ сѣверо-западныхъ карпаторусскихъ говорахъ заимствованія изъ словацкихъ (и польскихъ) говоровъ и фонетикой, и складомъ указываютъ на недавнее ихъ усвоеніе карпаторусской рѣчью, какъ напр. хце кральомъ быти, или еден ѣзда малъ пса, якъ ся выгналъ наньго¹⁶), или — в першимъ тыжню великаго поста вечер, бо си обѣцяю и т. п., — болгаризмы юго-восточныхъ говоровъ являются вполне сросшимися со строемъ рѣчи, и успѣли даже подвергнуться дѣйствию законовъ русской фонетики (ср. напр. полонина и блг. планина, перть — болг. прѣтина и т. п.).

¹⁴) Марковъ. Българско-френски и френско-български джебень рѣчникъ. Лайпцигъ. 1912. (Dictionnaire bulgare-français. Leipzig. 1912.)

¹⁵) Chaloupecký, Niederle.

¹⁶) Указ. соч. Верхр. II, стр. 114, 115, 118, 119 и сл.

Но установленіе этого давняго сосѣдства Карпаторуссовъ съ Болгарами необходимо приводитъ насъ къ заключенію о томъ, что предки юго-вост. Карпаторуссовъ обитали въ занимаемыхъ ими мѣстахъ ещё до прихода Мадыаръ.

Valère Pogorélov.

ESSAIS CARPATHO-RUSSES.

(Résumé.)

I. Michel Luts kay, l'un des premiers écrivains carpathorusses.

Michel Luts kay, fils d'un pauvre sacristain, est né 1789 au village „Velikie Lučki“. Grâce à des capacités éminentes, il lui fut possible non seulement de finir dans sa patrie, en Russie Subcarpathique, l'école primaire et l'école secondaire, mais aussi de faire des études supérieures aux facultés philosophique et théologique de Vienne. Il s'adopta ce nom de „Luts kay“ encore du temps où il était élève de l'école secondaire pour remplacer le surnom de „Pop“ propre à son père et peut-être aussi pour s'en faire distinguer.

Après avoir été élevé au sacerdoce en 1816, il fut nommé secrétaire d'évêque et notaire du consistoire épiscopal (de l'église gréco-catholique ou unie), ensuite il devint curé de la paroisse d'Užhorod. Et ce fut jusqu'à sa mort (en 1843) qu'il avait rempli cette fonction, exécutant en même temps toutes sortes d'ordres de caractère soit administrativement ecclésiastique soit théologiquement savant qui le détournaient considérablement du domaine de littérature et des travaux scientifiques qui l'intéressaient profondément.

Et ce ne fut que grâce à un séjour commandé de deux ans (1829—31) comme curé de l'église gréco-catholique à Lucca (en Italie) qu'il lui fut possible d'écrire et de publier deux grands ouvrages: sa „Grammatica slavo-ruthena“ et les „Discours ecclésiastiques pour tous les dimanches de l'année“.

Dans le premier livre écrit en latin, l'auteur donne une intéressante préface où il parle de l'importance de la langue littéraire opposée aux dialectes populaires; d'après Luts kay, ce serait le latin qui devrait être reconnu comme langue universellement

littéraire; mais à l'usage des Slaves il indique comme langue littéraire — le paléoslave qui, d'après lui, est la langue la plus proche du carpathorusse. Afin de faciliter à ses compatriotes la compréhension de cette langue littéraire, Lutskay en expose la grammaire, en se servant principalement de l'ouvrage de Jos. Dobrovský: „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“. Ayant aussi pour but de faire connaître aux savants de l'époque la Russie Subcarpathique qui était pour eux une véritable „terra incognita“ L. indique parallèlement les particularités grammaticales du dialecte carpatho-russe, qu'il avait parlé dès son enfance; autrement dit, il donne pour la première fois en vrai dialectologue une description assez exacte d'un dialecte populaire russe (en y joignant certains spécimens des chansons et nouvelles populaires).

Son deuxième livre, — Discours ecclésiastiques — publié l'année suivante, témoigne d'une grande maîtrise de style et d'une riche érudition théologique de son auteur; mais ce qui est étonnant, Lutskay y déroge aux principes, exposés dans sa grammaire, et le livre n'est écrit ni en latin ni en paléoslave, mais „afin d'en faciliter la compréhension“ il emploie une langue, inventée par lui-même, tout spécialement „neutre“, comme il la nomme dans sa Préface, et qui a pour but de joindre des mots paléoslaves aux expressions populaires carpathorusses. Et en réalité, dans la phonétique et la morphologie nous apercevons non seulement une confusion des phénomènes paléoslaves avec ceux des Carpathorusses notés dans sa Grammaire, mais aussi des phénomènes non prévus par le grammairien lui-même: il est impossible d'y trouver quelque système. Par exemple, on ne peut pas établir la raison pour laquelle l'auteur emploie indifféremment tantôt *golos* et tantôt *glas*, *yezzero* et *ozero*, *krovl'ánu - krevávoju* et *kirvávit*, *kuči* et *kušči*? Pourquoi un même adjectif au nomin. pluriel masculin a-t-il ces deux formes: *mnogii* et *mnozi*? Pourquoi l'auteur a-t-il inventé des formes comme *imaju* (en paléoslave ce serait *imamĩ* et en carpathorusse *maju*), ou bien *iměet mati* (un mélange d'une 3e pers. du singulier paléoslave avec un infinitif carpathorusse), ou bien encore *izverešči* (un „polnoglasié“ russe uni à une terminaison paléoslave). Pourquoi l'auteur emploie-t-il des formes parallèles: *očimi* et *očima*, et des formes tout à fait irrégulières comme *pošča-daet*, *prinošuet*, *az jesmĩ sotvorich* etc.? Plus loin, nous pouvons observer dans une complète proximité la tournure de syntaxe

paléoslave (dativus absolutus) et celle de syntaxe latin (accusativus cum infinitivo), et la tournure interrogative tchèque avec *jest-li*, et toute une série de constructions non-slaves (pour la plupart latines) comme dans l'emploi des prépositions avec des substantifs, ainsi que dans le régime des verbes.

C'est surtout la lexique des „D. E.“ où nous remarquons un mélange particulièrement considérable de différents éléments: le fond en consiste en mots paléoslaves ou en ceux créés à la manière paléoslave: *jastije, byst' prelščen, cělyja sedmici, sedminedělnyj, vlečetsja*, — *dostotvoriti, pojatije (= poňatije), prinadležitosť* etc., ensuite en mots non-paléoslaves qui ont parfois un sens identique aux premiers: *jědla, celyj tyždeň, šibeň*, et ainsi de suite; notons que ces mots non-paléoslaves sont en partie carpathorusses et en partie (dans un nombre considérable) slaves-occidentaux: slovaques, tchèques, polonais: *květ, kvinet, ledva, iz lica na ruby, naboženstvo, pobožnyj. ovoc, dajte pozor, pre diavola, uvadnet; žartújet, zakonnik (= monach), zazdrost', perši, rachunok, slonce, smrodnyj, cnota* etc.; remarquons ici, que Luts kay quelquefois avait taché de russifier ces mots étrangers: *čužoložstvo (= cudzoložstvo), do-vremennyj (= dočasnyj)*. En somme, on reçoit l'impression d'une langue artificiellement créée sans aucun système, parfois absolument inintelligible et ne correspondant aucunement à l'intention de l'auteur de donner une langue qui aurait pu exprimer „les idées élevées de morale et de religion“ et qui en même temps serait compréhensible aux masses de la nation carpatho-russe. Luts kay aurait sûrement atteint un succès beaucoup plus sensible s'il s'était servi de la langue littéraire qui existait déjà à son époque, soit du paléoslave, ce qui serait d'après son propre credo grammatical, soit du russe littéraire comme d'une langue qui vers ce temps-là se trouvait au faite de son développement. Luts kay avait lui-même dû reconnaître l'insuccès de ses essais dans la création d'une nouvelle langue littéraire, car dans ses oeuvres suivantes il ne s'en était pas servi lui-même, de même que les autres écrivains qui, autant que possible, tâchèrent d'écrire dans la langue littéraire russe.

Plus tard, de linguiste M. Luts kay devint historien, consacrant le reste de ses jours, tant que ses fonctions journalières le lui permettaient, à l'étude 1° de l'histoire de l'église carpatho-russe et 2° à l'histoire de la Russie Subcarpathique. Il en résulta deux

ouvrages considérables, écrits en latin: „Historia Dioecesis Munkacsiensis“ et (en cinq volumes) „Historia Carpatho-Ruthenorum“. A notre grand regret, les deux ouvrages ne furent pas publiés et nous n'en connaissons que les parties dont s'étaient servi les écrivains de temps postérieur: I. Rakovskij (de son Histoire ecclésiastique) et Duliškovič (de l'Histoire de la Russie Subcarpathique); et c'est d'autant plus regrettable que même le manuscrit du premier ouvrage de L. est inconnu.

Ainsi, cet homme de talent rare et de profonde érudition avait consacré toute sa vie, ses forces et ses capacités à son peuple: c'est avec une grande attention qu'il en avait étudié la langue et les destinées historiques et qu'il lui avait enseigné les vérités de la doctrine chrétienne.

Quoiqu'il n'eut pas assez de chance dans le choix des langues pour ses ouvrages, son oeuvre fut d'une grande influence sur le développement culturel de la Russie Subcarpathique et ses livres conservent, dans une certaine mesure, jusqu'à nos jours leur portée scientifique.

II. Bulgariques dans les dialectes carpatho-russes.

En s'en rapportant aux observations sur les dialectes carpatho-russes, publiés depuis longtemps par Verchratský, nous pouvons affirmer que le voisinage avec d'autres peuples slaves et non-slaves laissa ses traces considérables dans ces dialectes. Ces traces témoignent que tel ou tel voisinage ne s'était pas réalisé en même temps: tandis que certaines de ces traces portent le caractère d'un emprunt tout récent, d'autres sont d'une telle ancienneté qu'elles ont déjà eu le temps de se soumettre aux lois de la langue carpatho-russe. A ces dernières se rapportent certains phénomènes des dialectes sud-est des Carpatho-russes.

Tels sont: 1°, une formation originale des degrés de comparaison des adjectifs à l'aide des particules *maj* (de * *nai*?) et *po* que l'on ajoute aux formes du positif: *pókorotkij*, *maj dorohij*. Les mêmes particules peuvent s'ajouter soit à des substantifs soit à des verbes, en leur donnant de même une idée de comparaison.

2°, La possession est exprimée par le datif des substantifs et des pronoms personnels: *holova christijanöm* (= chef des Chrétiens), *žona mi* (ma femme).

3°, Le pronom relatif *ščo* combiné avec les pronoms *i*, *ja*, *je* remplace le pronom *kotryj* (qui): *verbá, ščo ja ji sadila*.

4°, La duplication de la préposition *sz*: *zos* (*zoz*).

5°, Certains phénomènes lexiques (*brič*, *berdo*, *dojka*, *paziti*, *perť*, *čitav* etc.).

En général ces phénomènes-là ne sont pas notés dans d'autres dialectes russes et par conséquent il faut les considérer comme des emprunts; cependant ils se trouvent des correspondants dans les dialectes de la langue bulgare, ce qui prouverait qu'autrefois il existait un voisinage entre ces dialectes carpatho-russes et les dialectes bulgares. Un pareil voisinage n'aurait pu exister qu'à l'époque où, d'après les témoignages historiques, des peuplades bulgares se répandaient jusqu'au fleuve Tissa. Alors les particularités que nous venons de citer témoignent d'un voisinage dans les temps éloignés des dialectes carp.-russes sud-est avec des Bulgares, ce qui prouve que les Carpatho-Russes avaient habité les lieux qu'ils occupent à l'heure actuelle bien avant la venue des Hongrois, puisque ce fut justement leur invasion qui repoussa les Bulgares bien au sud.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Литературная дѣятельность М. Лучкая. Біографическія свѣдѣнія	5
«Grammatica slavo-ruthena»	8—18
(церковно-славянскій яз.)	12
(карпато-руссскій яз.)	15
«Церковныя бесѣды»	18—54
(графика «Бесѣдъ»)	20
(языкъ «Бесѣдъ»):	21
фонетика	23
морфологія	28
синтаксисъ	42
лексика)	44
Историческіе труды М. Лучкая	54
Значеніе его литературной дѣятельности	56
II. Болгаризмы въ карпато-руссскихъ говорахъ	57—62
Résumé (на французскомъ яз.)	63—67

OBSAH

I. Literárna činnost' M. Lučkaja:	
Životopisné datá	5
„Grammatica slavo-ruthena“	8—18
(cirkevno-slovanský jazyk	12
karpato-ruský jazyk)	15
„Kostolné kázania“	18—54
(grafika „Kázaní“	20
jazyk „Kázaní“ —	21
fonetika	23
morfologia	28
skladba	42
lexika)	44
Historické práce M. Lučkaja	54
Význam jeho literárnej činnosti	56
II. Bulharizmy v dialektoch karpatoruských	57—62
Resumé (francúzske)	63—67

Vo Spisoch a vo Sborníku Filozofickej fakulty Slovenskej univerzity vyšly tieto práce:

Baudiš Josef: Poznámky k vývoji indoevropské struktury gramatické. R. 1929. Str. 20. Sborník III., č. 31	2.50
Řeč. Úvod do obecného jazykozpytu. R. 1926. Str. 169. Spisy sv. VII.	21.—
Bobek Wladislav: Bohuslav Balbin. R. 1932. Str. 108. Sborník VIII., č. 63	27.—
Buben Vladimír: Influence de l'orthographe sur la prononciation du français moderne. R. 1935. Str. 248. Spisy sv. XIX.	60.—
Čečetka Juraj: Pedagogika a adlerovská individuálna psychologia. R. 1936. Str. 160. Spisy sv. XXII.	42.—
Gašparíková Anna: Povstanie Rákócziho a Slovania. R. 1930. Str. 94. Sborník VII., č. 55	15.—
Göllnerová Alžbeta: József Eötvös. Štúdia literárne historická. R. 1937. Str. 242. Spisy sv. XXV	75.—
Hanuš Josef: Dobrovský a Slovensko. R. 1924. Str. 25. Sborník II., č. 23	3.—
Ze slovenských knihoven. R. 1925. Str. 29. Sborník III., č. 29	3.—
O pobělohorské protireformaci. R. 1926. Str. 105. Sborník IV., č. 39	14.—
Heidler Jan: Moderní demokratismus. R. 1922. Str. 18. Sborník I., č. 3	3.—
Karel Havlíček. R. 1922. Str. 18. Sborník I., č. 4	3.—
Fr. L. Rieger či Adv. lv. Dobrjanskij? (Rozobrané.) R. 1922. Str. 8. Sborník I., č. 10	1.—
Zápisy Marie Červinkové-Riegrové. R. 1924. Str. 20. Sborník III., č. 27	2.50
Hendrich Josef: Příspěvky ke studiu Komenského. R. 1927. Str. 27. Sborník V., č. 49	2.50
Holinka Rudolf: Sektářství v Čechách. R. 1929. Str. 188. Sborník VI., č. 52	34.50
Církevní politika arcibiskupa Jana z Jenštejna za pontifikátu Urbana VI. R. 1933. Str. 148. Spisy sv. XIV.	24.—
Húsek Jan: Fonetické a ethnografické studie z moravskoslovenské vsi. R. 1923. Str. 47. Sborník I., č. 15	4.50
Huščava Alexander: Kolonizácia Liptova do konca XIV. stor. R. 1930. Str. 92. Sborník VII., č. 58	17.—
Chaloupecký Václav: K nejstarším dějinám Bratislavy. (Rozobrané.) R. 1922. Str. 23. Sborník I., č. 9	1.—
Staré Slovensko. (Rozobrané.) R. 1923. Str. 420 XX. a 5 máno. Spisy sv. III.	55.—
Dvě studie k dějinám Podkarpatska. R. 1925. Str. 56 a mapa. Sborník III., č. 30	7.—
Chotek Karel: Ethnické rozdíly v anthropologii dítěte (se zřetelem k Slovensku). R. 1922. Str. 12. Sborník I., č. 5	2.—
Kalda Frant.: Infinitiv dnešních spisovných jazyků germánských. R. 1929. Str. 16. Sborník VI., č. 50	4.—
Praeteritopraesentia v němčině a nizozemštině a vývoj jejich konjugačního systému R. 1936. str. 32. Spisy sv. XXI.	10.—
Kolář Antonín: Starověké dělení attické komedie. R. 1923. Str. 27. Sborník I., č. 14	3.—
Působení kulturv antické na kulturu evropskou. R. 1924. Str. 59. Sborník II., č. 19	7.50
Kosmovo vztah k antice. R. 1925. Str. 79. Sborník III., č. 28	9.50
Humanistická básnička Vestonia. R. 1926. Str. 59. Sborník IV., č. 40	8.—
Die Logaöden. R. 1933. Str. 142. Spisy sv. XIII.	30.—
De dactyloepitritis. R. 1935. Str. 84. Spisy sv. XVII.	33.—
Kopal Josef: Gustave Flaubert. R. 1932. Str. 184. Spisy sv. XI.	39.—
✓ Král Jiří: Úvahy o rozčlenění československých Karpat na přírodní oblasti a pojmenování těchto oblastí. Str. 32 a 1 mapa. R. 1930. Sborník VII., č. 54	15.—
Král Josef: Na okraj Masarykovy „Sebevraždy“. R. 1927. Str. 27. Sborník V., č. 48	4.20
Studie o G. A. Lindnerovi. R. 1930. Str. 174. Spisy sv. X.	33.—
Krofta Kamil: Konec starého Uherska. R. 1924. Str. 18. Sborník II. č. 24	1.50
✓ Kubijovych Vladimír: Rozšíření kultur a obyvateľstva v Severných Karpatech. R. 1932. Str. 146, XXVIII a 4 mapy. Sborník VIII., č. 60	84.—
Levý Otakar: Básnické povídky Marie de France. R. 1935. Str. 90. Spisy č. XV.	24.—
Ludvíkovský Jaroslav: Dobrovského klasická humanita. R. 1933. Str. 160. Spisy sv. XII.	27.—
Lukeš Jos. R.: Sociální poměry obyvatelstva v Kerkeosiris R. 1926. Str. 45. Sborník IV., č. 41	7.—
Novák Mirko: Kantův kriticismus a problém hodnoty. R. 1936. Str. 116. Spisy XXIII.	36.—
Ondrouch Vojtěch: Po stopách židovské diaspory... R. 1930. Str. 104 a mapa. Sborník VII., č. 57	24.—
Orel Dobroslav: Z korespondence Pavla Křížkovského. R. 1922. Str. 9. Sborník I., č. 7	2.—
Počátky umělého vícehlasu v Čechách. R. 1922. Str. 72. Sborník I., č. 8	16.—
Ján Levoslav Bella. R. 1924. Str. 166. S notovou prílohou. Str. 1—36. Sborník II., č. 25	33.—
Fr. Liszt a Bratislava. R. 1925. Str. 72. Sborník III., č. 36	10.—
Hudební památky františkánské knihovny v Bratislavě. R. 1930. Str. 92 a 17 príloh. Sborník VII. č. 59	24.—

✓ Perieckij Eugen Julianovič: Dvě stati k dějinám Podkarpatské Rusi. R. 1922. Str. 20. Sborník I., č. 6	3.50
✓ Podkarpatské a haličskoruské tradice o králi Matyášovi-Corvinovi. R. 1926. Str. 62. Sborník IV., č. 42	8.—
Car Petr I. a Leibnitz. R. 1925. Str. 22. Sborník IV., č. 34	2.50
Ruské letopisné svody a jejich vzájemný poměr (po rusky). (Rozobrané.) R. 1922. Str. X+101 Spisy sv. I.	22.—
Historia Polonica Jána Długosza a nemecké letopisectvo. R. 1939. Spisy sv. XXVIII. (vyjde v najkratšom čase).	
Pogorelov Valerij: Zkoumání v oboru staroslovanské překladové literatury (po rusky). R. 1925. Str. 20. Sborník III., č. 32	2.50
Zkoumání v oboru staroslovanské překladové literatury (po rusky). R. 1927. Str. 120. Sborník V., č. 46	18.—
Pražák Albert: Josef Hanuš a jeho zásluhy o českou literární historii. R. 1932. Str. 52. Sborník I., č. 1.	8.50
Jan Šalomon Dobromír Petén (Petain). (Rozobrané.) R. 1922. Str. 25. Sborník I., č. 11	3.50
Slovenská otázka v době J. M. Hurbana. R. 1923. Str. 229. Sborník I., č. 13	30.—
Jozef Škultéty. R. 1924. Str. 127. Sborník II., č. 18	16.—
Hviezdoslav a Dante. R. 1924. Str. 31. Sborník II., č. 20	4.—
Studentská léta Svetozára Hurbana Vajanského. R. 1925. Str. 142. Sborník III., č. 35	17.50
Slovenské studie. R. 1926. Str. 162. Sborník IV., č. 43	23.—
Pražák Vilém: Neubertův Sborník a Májový sen. R. 1924. Str. 84. Sborník II., č. 22	10.50
Rapant Daniel: K počiatkom maďarizácie. Diel prvý. Vývoj rečovej otázky v Uhorsku 1740—1790. R. 1927. Str. VIII+598. Spisy sv. VIII.	80.—
Ryšánek Frant.: Strahovské zlomky štítenské. List Pelagiův Demetriadě. R. 1930. Str. 86 a 9 příloh. Sborník VII., č. 56	20.—
Sahánek Stanislav: Literární biedermeier v něm. písemnictví. R. 1938. Str. 64. Spisy sv. XXVI.	12.—
Stavěl Josef: Hlad. — Příspěvek k analýze pudu. R. 1937. Str. 312. Spisy sv. XXIV.	90.—
Škultéty Jozef: Pavel Jozef Šafárik. R. 1922. Str. 11. Sborník I., č. 2	2.—
Štěpánek Miloslav: Richard Wagner a jeho dílo u nás. R. 1935. Str. 43. Spisy sv. XVI.	12.—
Štúr Svätopluk: Problém transcendentna v súčasnej filozofii. R. 1938. Str. 111. Spisy sv. XXVII.	36.—
Tomša Bohuslav: Filosofické základy Ciceronovy nauky o státu. R. 1924. Str. 37. Sborník II., č. 21	4.—
Tvrdý Josef: Teorie pravdy. R. 1929. Str. 112. Sborník VI., č. 51	15.—
Varsík Branislav: Slováci na pražskej univerzite do konca stredoveku. R. 1926. Str. 37. Sborník III., č. 45	6.—
Husiti a reformácia na Slovensku do žilinskej synody. R. 1932. Str. 228. Sborník VIII., č. 62	60.—
Vážný Václav: Čakavské nářečí v slovenském Podunají: R. 1927. Str. 216. Sborník V., č. 47	32.40
Vilikovský Jan: Versus de passione Adalberti. R. 1929. Str. 37. Sborník VI., č. 53	7.50
Latinská poesie žakovská v Čechách. R. 1932. Str. 168. Sborník VIII., č. 61	42.—
Dějiny literárních společností malohontských. R. 1935. Str. 152. Spisy sv. XX.	33.—
Weingart Miloš: Problémy a metody české literární historie. (Rozobrané.) R. 1922. Str. 51. Sborník I., č. 12	7.15
Dobrovského Institutiones. Část I. Církevně-slovanské mluvnice před Dobrovským. R. 1923. Str. 63. Sborník I., č. 16	9.—
Část II. Dokončení. R. 1925. Str. 232. Sborník III., č. 38	20.—
Příspěvky k studiu slovenštiny. R. 1923. Str. 138. Sborník I., č. 17	17.50
O podstatě slovanské filologie. R. 1924. Str. 19. Sborník II., č. 26	2.—
Manuál Grigoriya Kujbědy. R. 1926. Str. 80. Sborník IV., č. 44	12.—
Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. Část I., R. 1922. Str. 246. (Rozobrané.) Spisy sv. II.	10.—
Část II. Str. 577. R. 1923. Spisy sv. IV.	70.—
Wollman Frank: První dramatisace zrady Tugomírovy a Gerovy. R. 1925. Str. 13. Sborník III., č. 33	2.50
Srbochorvatské drama. R. 1924. Str. 408. Spisy sv. V.	48.—
Slovenské drama. R. 1925. Str. 332. Spisy sv. VI.	45.—
Bulharské drama. R. 1928. Str. VI+166. Spisy sv. IX.	27.—
Žákavec František: Villiam Ritter. R. 1925. Str. 82. Sborník III., č. 37	10.—
Příspěvek k poznání vztahu Tyršova k Tainovi. R. 1935. Str. 18. Spisy sv. XVIII.	12.—

Tlačou účastinárskej tlačiarne „Universum“ v Bratislave, Jaskový rad 71.

Objednávky vybavuje filozofická fakulta.

Tlačou účastinárskej tlačiarne „Universum“ v Bratislave, Jaskový rad 71. Telefón 17-70.

Objednávky vybavuje filozofická fakulta.

Cena Ks 39.—

